

Информационно–аналитический журнал

с о в р е м е н н ы й
Иран

№31

апрель 2014

Информационно-аналитический журнал
Иран

№ 31
апрель 2014 г.

Свидетельство о регистрации ПИ 1 ФС77-41649
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор) 12 августа 2010 г.

Редакционная коллегия

Раджаб Сафаров (Главный редактор)
Александр Проханов
Сергей Бабурин
Дмитрий Рюриков
Виталий Третьяков
Гейдар Джемаль
Максим Шевченко
Игорь Панкратенко (Шеф-редактор)

Адрес редакции

119049, Москва, Коровий вал, д. 7, стр. 1, оф. 6

В издании использованы фотоматериалы
ИТАР-ТАСС, РИА Новости, РИА Иран.ру

Содержание

Краткое содержание номера.....2	Россия — Иран: Перспективы военно-технического сотрудничества <i>Вячеслав Михайлов</i>52
Обама Аравийский.....6	
США хотят отнять у иранского народа его мечту <i>Сергей Никитин</i>10	Иран-Азербайджан: новая перезагрузка? <i>Сергей Маркедонов</i>59
Иранофобия: «Бахрейнская» карта и шпионские игры <i>Игорь Николаев</i>15	США не пустили в ООН иранского дипломата.....63
Враждебная суэта вокруг иранского атома.....20	Иран предложил России дружить трубами <i>Эль Мюрид</i>67
Российско-иранские отношения переходят на новый уровень <i>Антон Семенов</i>26	США и Россия: Борьба за Иран...70
«Афганские» заботы Тегерана.....28	Кто и как будет дальше разыгрывать иранскую «карту» <i>Ираклий Гелашвили</i>76
Железная дорога Казахстан — Туркменистан — Иран <i>Вячеслав Михайлов</i>33	Каспийский пакт Москва-Тегеран — несмотря на западные санкции <i>Маурицио Молинари</i>79
«Пакистанский» козырь в колоде Саудитов <i>Игорь Николаев</i>38	Пойдет ли Иран на замену российского газа для Европы? <i>Николай Бобкин</i>81
Иран — Азербайджан: Сложные маневры Ильхама Алиева <i>Николай Бобкин</i>42	Иран и Россия близки как никогда.....87
Треснувшая дубинка американских санкций.....47	Ген демократии и синдром колониализма <i>Геннадий Литвинцев</i>90

Краткое содержание номера

«Ломать — на строить», эта русская поговорка как нельзя более точно отражает процесс нормализации ситуации вокруг Ирана. Введение калечащих санкций и эскалация напряженности против Исламской республики заняли гораздо меньше времени, чем трудный процесс диалога Тегерана как с Западом, так и со своими соседями в регионе. Собственно, о трудностях этого диалога, о его противниках и «подводных камнях» — новый, 31-й номер журнала «Современный Иран».

Практически каждая статья, опубликованная нами в апреле, рассматривала тот или иной аспект двусторонних отношений Ирана с другими государствами, поэтому просто коротко скажем о всех материалах номера, не группируя их, как обычно, по блокам тем и тенденций.

Поддержка Обамой государственного переворота на Украине, обернувшаяся серьезным поражением Запада, диктует Вашингтону настоятельную необходимость срочной мобилизации всех своих союзников для противостояния наметившейся оси Москва — Тегеран — Пекин. Встреча Барака Обамы и саудовского короля Абдаллы продолжалась два часа. Самое интересное, два лидера об Украине почти не говорили или говорили вскользь и очень мало. Но тем не менее, этих двух часов оказалось вполне достаточно для того, чтобы «снять накопившиеся между двумя странами недопонимание» и принять важнейшие решения, касающиеся Ирана и России. Подробно — в материале «Обама Аравийский».

Своеобразным новогодним «подарком» от американской администрации иранским студентам стало объявленное госсекретарем США Джоном Керри ослабление антииранских санкций в области образования. Новый документ предполагает возможность академического обмена студентами между высшими учебными заведениями США и Ирана. Однако, отменяя санкции в образовании, Вашингтон имеет и собственные интересы, отнюдь не гуманитарного характера, о которых рассказывается в статье «США хотят отнять у иранского народа его мечту».

Лукавство и лицемерие внешней политики монархий Персидского залива ни для кого не являются секретом. Делая утром «на публику» миролюбивые заявления о необходимости нормализации отношений с Ираном, правящая элита монархий вечером в узком кругу и в закрытых аудиториях говорит об «иранской угрозе», о необходимости военно-политической мобилизации для отражения «экспансии Тегерана» и о совместных с США «наступательных шагах» в войне против собственного населения. Завесу над истинной позицией ряда государств Персидского залива в отношении Ирана приподнимает материал «Иранофобия: «Бахрейнская» карта и шпионские игры».

В Вене стартовал очередной раунд переговоров «шестерки» и Ирана по ядерной программе. Речь идет о поэтапном снятии разногласий, а не о каком-то «прорыве», о чем на этот раз не говорят даже иранцы. Министр иностранных дел Ирана Мохаммад Джавад Зариф спокоен: «Мы не ожидаем достигнуть договоренности в этом раунде переговоров. Мы согласились

обсудить ряд вопросов». Всеобъемлющее соглашение должно быть выработано до 20 июля, в ответ к этому сроку ожидается полное снятие международных санкций в отношении Ирана. Реально ли это? Попытка ответить на данный вопрос — в статье «Враждебная суета вокруг иранского атома».

Исключение Москвы из «Большой восьмерки», запугивание разного рода санкциями и угрозы разрыва торгово-экономических отношений заставляют Россию расставить новые приоритеты, в которых ключевые партнерские позиции будут занимать восточные государства. Примером тому служат недавние соглашения, достигнутые Москвой и Тегераном в экономической и энергетической сферах. Так, по данным информационного агентства Reuters, Иран и Россия близки к заключению контракта о поставках товаров в обмен на нефть на сумму в 20 млрд долларов, что составит примерно 500 тыс. баррелей в сутки в течение двух-трех лет. «Российско-иранские отношения переходят на новый уровень» — так называется статья, в которой анализируется современное состояние отношений между нашими странами.

Главным вопросом прошедших в апреле выборов в Афганистане было отнюдь не имя будущего президента этой страны. Для самих афганцев и соседних с Афганистаном государств куда важнее было понять, станет ли страна после этих выборов стабильнее и безопаснее. Пока что ответ на этот главный для Тегерана и Москвы вопрос — скорее отрицательный. Подробности — в материале «Афганские» заботы Тегерана».

С появлением тренда на оздоровление отношений между Ираном и Западом заметно продвинулись многообещающие совместные экономические проекты с участием стран Центральной Азии. Строительство железной дороги Казахстан — Туркменистан — Иран вышло на финишную прямую. Об этом свидетельствуют заявления участников транспортного проекта. В феврале — марте текущего года представители двух центральноазиатских республик и Ирана выступили с позитивными оценками. Последние работы на пока недостроенных участках железнодорожной магистрали займут до шести месяцев. Об этом проекте рассказывает статья «Железная дорога Казахстан — Туркменистан — Иран».

Несколько лет назад мало кто обратил внимание на слова тогдашнего начальника штаба сухопутных войск Пакистана Ашрафа Кияни, который назвал Саудовскую Аравию «...самой важной страной для Пакистана». Сегодня верхушка Исламабада ведет активные переговоры с Эр-Риядом, который уже пообещал «братской стране» полтора миллиарда долларов безвозмездной помощи. По странному совпадению эти обещания совпали с началом обсуждения в Исламабаде вопроса о возможности отправки воинского контингента для оказания помощи Королевству в Бахрейне и Йемене. «Пакистанский» козырь в колоде Саудитов» — именно так озаглавлен материал, в котором рассматриваются опасные связи Эр-Рияда и Исламабада.

Иранским руководством дрейфующий в сторону Запада Азербайджан рассматривается как потенциальный американский военный союзник. В Баку, похоже, не заметили того, что с приходом президента Роухани иранская дипломатия взяла курс на вывод страны из международной изоляции и нормализацию отношений с Западом и США в целом. В этих условиях у обеих стран появилась возможность скорректировать свои отношения, найти компромиссы в решении спорных вопросов. Насколько Азербайджан готов

к пересмотру своей политики в отношении Ирана? — такой вопрос рассматривается в статье «Иран — Азербайджан: Сложные маневры Ильхама Алиева».

Крым и действия Москвы на Украине были оглушительной пощечиной Западу, до недавнего времени считавшему, что он может творить на постсоветском пространстве все, что ему заблагорассудится. А российско-иранский контракт «нефть в обмен на товары» стал «контрольным выстрелом в голову» тех, кто отчего-то решил, что Россия — больше не суверенная держава и на каждый свой шаг в отношениях с Тегераном должна испрашивать разрешения Вашингтона. «Треснувшая дубинка американских санкций» — такой заголовок материала как нельзя более точно передает состояние главного оружия, которое в последние годы Вашингтон беззастенчиво применял в отношении «неугодных» ему стран.

Статья «Россия — Иран: Перспективы военно-технического сотрудничества» затрагивает острую и, в тоже время деликатную проблему двусторонних отношений между нашими странами: в российско-иранских отношениях назрела необходимость пересмотра уровня и качества военно-технического сотрудничества (ВТС). Объем общего товарооборота между двумя государствами по итогам прошлого года достиг исторического минимума — 1.4 млрд долларов. В политической сфере отношения между двумя странами вполне хорошие, но для развития торгово-экономических связей и ВТС не хватает импульса. И таким импульсом может стать возможная поездка в этом году Владимира Путина в Тегеран.

На фоне стремительно развивающегося украинского кризиса визит азербайджанского президента Ильхама Алиева в Тегеран (он состоялся 9 апреля 2014 года) остался не слишком заметным. Апрельская поездка стала третьим официальным визитом азербайджанского лидера в Иран. Каков был смысл и каково значение этого вояжа за рамками протокольных заявлений о дружбе, братстве и готовности к развитию двустороннего сотрудничества? Об этом — в статье «Иран-Азербайджан: новая перезагрузка?»

Отказ американских властей выдать визу для въезда в страну постоянному представителю Ирана в ООН Хамиду Абуталеби только на первый взгляд может показаться неким «капризом» Белого Дома, связанным с требованиями американского законодательства. Перед нами — откровенная провокация, целью которой является проверка Тегерана на «прочность», на определение столь странным методом границ уступчивости Ирана в вопросах сохранения переговорного процесса между Исламской республикой и Западом. Подробности и нюансы этого дипломатического скандала — в материале «США не пустили в ООН иранского дипломата».

Президент США Барак Обама, как считают в Белом Доме, потерял надежду на сотрудничество с российским лидером Владимиром Путиным. Обама пришел к выводу, что даже если будет найдено решение по ситуации на Украине, «у него уже никогда не будет конструктивных отношений с Путиным». Поэтому лидер Америки решил в оставшееся до истечения срока его полномочий время сосредоточиться на решении других проблем международных отношений, в которых Ирану отведена ключевая роль. Эти обстоятельства диктуют новый политический конфликт, особенности которого стали предметом статьи «США и Россия: борьба за Иран».

В наши дни, когда мир стал глобальным и взаимозависимым, украинский кризис затрагивает интересы многих стран, даже не имеющих непосредственной географической близости к Киеву. Религиозный деятель Ирана аятолла Ахмад Хатами на традиционной пятничной молитве в Тегеранском университете назвал американское вмешательство «актом агрессии». Его оценка отражает позицию иранского руководства, хотя в мировых СМИ, да и наших не прекращаются попытки представить Иран страной, якобы, стремящейся использовать ситуацию в своих интересах и в ущерб энергетическим интересам России. Упор делается на предположениях о стремлении Ирана сыграть на стороне Запада и заменить российский газ для Европы. «Пойдет ли Иран на замену российского газа для Европы?» Ответ на этот вопрос — в одноименной статье.

Здоровый политический и культурный консерватизм, о котором говорят в Москве, которого придерживаются в Тегеране, вовсе не является стремлением утanutь в прошлое, в средневековую архаику, лишить народы перспектив на будущее. Это — желание сберечь в быстро меняющемся мире вечные ценности, ради которых стоит жить и умирать, держаться за них в движении, не растрчивать золото народной души на блестящие побрякушки быстро проходящей политической моды. «Мы все больше убеждаемся, что реальные духовные ценности невозможно заменить набором утилитарных свобод, сомнительных прав и понижением планки дозволенного», — говорится в материале «Ген демократии и синдром колониализма». Россия и Иран предлагают не войну Западу или тотальную альтернативу, а спасительные для него же и для всей цивилизации коррективы развития, возвращающие в жизнь человека понятия Бога, Отечества, Веры, Семьи, и реальной свободы. Эти же ценности отстаиваются и в каждом выпуске журнала «Современный Иран», и в нынешнем, 31-м его номере.

Обама Аравийский

Поддержка Обамой государственного переворота на Украине, обернувшаяся серьезным поражением Запада, диктует Вашингтону настоятельную необходимость срочной мобилизации всех своих союзников для противостояния наметившейся оси Москва — Тегеран — Пекин. К тому же, США вместе со своими западноевропейскими партнерами скоропалительно обещали оказать Украине срочную помощь в 15 млрд долларов и их теперь надо было где-то найти. Встреча Барака Обамы и саудовского короля Абдаллы в минувшую пятницу продолжалась два часа. Самое интересное, два лидера об Украине почти не говорили или говорили вскользь и очень мало. Но тем не менее, этих двух часов оказалось вполне достаточно для того, чтобы «снять накопившиеся между двумя странами недопонимание» и принять важнейшие решения, касающиеся Ирана и России.

Повестка дня переговоров

Впрочем, СМИ достаточно скупо освещали первые за последние пять лет переговоры на высшем уровне между хозяином Белого дома и руководством основного стратегического партнера США в исламском мире. Что вполне понятно, если бегло перечислить основные пункты «повестки дня», запланированные сторонами к обсуждению: отношения с Тегераном, изменение подходов к гражданской войне и внешней интервенции в Сирии, дальнейшая политика в отношении Каира и египетских братьев-мусульман, совместные действия в Ливане, «антитеррористические» операции в Йемене, ситуация внутри Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) и, наконец, вопрос вопросов — совместные планы в отношении диверсификации поставок энергоносителей странам-членам НАТО и согласования по «игре на понижение» цен на нефть и газ.

Но и это — лишь неполное перечисление тем, которые Обама намеревался обсудить с королем Абдаллой, но с переговорами по остальным вопросам не получилось, поскольку, как заявил официальный представитель американского госдепа, президент США и саудовский монарх «просто не добрались до полной повестки дня», поскольку важнее им было «интенсивно сосредоточиться на Иране и Сирии». Впрочем, об Иране и о главном «нефтяном» вопросе чуть позже, после совершенно необходимого замечания. Официальные комментарии итогов визита сводятся к заверениям в нерушимости стратегического союза между Америкой и Аравией, и это, пожалуй, единственная внятная и правдивая информация по итогам переговоров в «Королевском саду», летней резиденции саудовского монарха. Но внятной и правдивой она становится лишь после небольшого уточнения, о котором неоднократно писали на «Иран.ру», — глубинных и антагонистических противоречий между американской финансовой и политической элитой и домом Саудов никогда не было. По объему двустороннего торгового оборота, 52 миллиарда за первые три квартала 2013 года, саудиты входят в десятку важнейших торговых партнеров США. На сегодняшний день в

рамках действующих 338 контрактов военное сотрудничество Эр-Рияда и Вашингтона «стоит» астрономические 96,8 миллиарда долларов. Все американские миссии военных инструкторов и «консультантов» продолжают активно работать, особенно в сфере безопасности. Они активно сотрудничают с министерством внутренних дел, разведкой и «антитеррористическими подразделениями» (почему в кавычках, да потому что реально эти «подразделения» как раз и организуют подготовку и обучение террористов, ваххабитских банд для боевиков на Кавказе, в Сирии и везде, готовят сами террористические провокации...) саудитов, проводя совместные операции в том же Йемене. Американские компании, ко всему прочему, имеют около 400 совместных с саудовской династией проектов в самом Королевстве, общий объем которых составляет примерно 44 миллиарда долларов. Саудиты активно инвестируют в экономику США и Европы. Поэтому, говоря о саудовско-американских противоречиях, нужно понимать, что в действительности они существуют только между домом Саудов и нынешней администрацией Белого дома. И для урегулирования именно своих проблем с саудитами американский президент и поехал на переговоры с королем Абдаллой, поскольку наступил момент, когда без помощи Саудовской Аравии США обойтись не могут.

Политика и бизнес по-саудовски

Еще в процессе подготовки данного визита американская сторона прекрасно уяснила, что на самом деле между Эр-Риядом и Вашингтоном существует трогательное единство подходов практически ко всем острым международным и региональным вопросам. Текущие разногласия, как, например, по Египту, касались тактики, а уж никак не стратегии. По официальной американской версии, например, причиной американо-египетского охлаждения стало то, что Обама «не принял» свержения Мухаммеда Мурси в ходе военного переворота, посчитав такой способ «недемократическим». Но остальной мир прекрасно помнит, что если одним из первых, кто поздравил нового египетского «временного президента» Адли Мансура, действительно был король Саудовской Аравии Абдалла ибн Абдель Азиз, то США, хотя поздравлений не направляли, уже спустя сутки сообщили о готовности предоставить новому египетскому руководству «всемерную поддержку».

Так было и на этот раз, в вопросе участия саудитов в новом американском проекте — «игре на понижение» цен на энергоносители, что позволит нанести России серьезный удар, лишив ее бюджет примерно сорока миллиардов долларов, то есть двух процентов российского ВВП. Вопрос этот не выносился на публичное обсуждение, не фигурировал в повестке, но тщательно прорабатывался «шерпами», готовящими и обеспечивающими визит чиновниками и аналитиками с обеих сторон.

Выяснилось, что саудиты вполне готовы участвовать в данном американском проекте. Собственно, антироссийские действия в экономической сфере дело для них привычное. Не будем вспоминать участие королевства в «войне цен» на нефть против СССР, достаточно привести два более свежих примера. В 2005 году в королевстве был запущен проект «Север — Юг», предусматривающий строительство железнодорожной магистрали длиной 2400 км и стоимостью свыше \$2 млрд. В начале 2008 года ОАО «Российские железные дороги» выиграло тендер на строительство участка железной до-

роги «Север — Юг» протяженностью 520 км и стоимостью \$800 млн, но уже в мае 2008 года результаты тендера были отменены, причем причины этого решения были явно политическими. Во время визита В.В. Путина в 2007 году в Эр-Рияд глава МИД КСА Сауд аль-Фейсал заявил, что нет особых препятствий к сотрудничеству двух стран в военно-технической сфере. Практически сразу в СМИ появились сообщения о возможности заключения контрактов между Россией и КСА на сумму от \$4 млрд, а предметом переговоров являлось приобретение Саудовской Аравией 150 танков Т-90, 100 вертолетов Ми-17 и Ми-35, 100 БМП-3, 20 комплексов ПВО. С учетом того, что КСА выделило на закупку техники \$12 млрд, треть этих денег для России представлялись весьма неплохой суммой, а поставки планировалось провести в 2008–2009 году. И вновь саудиты безо всяких объяснений свернули переговоры, продемонстрировав, что никаких отношений между Москвой и Эр-Риядом, ни политических, ни торговых они не видят в принципе.

Нефть — кровь геополитики

Но в том, что касается возможности России навредить, саудиты оказываются одними из первых, как в случае с предложением поучаствовать в «войне на понижение» цен на нефть и газ, сделанном в ходе нынешнего визита Бараком Обамой. Причем, даже если это и не несет им прямых финансовых выгод в ближайшей перспективе. Собственно, «война цен» на энергоносители затрагивает в первую очередь доли европейского рынка. И если десять лет назад саудиты были очень обеспокоены сохранением своего положения на этом рынке, более того — считали сохранение этой доли одним из главных внешнеполитических приоритетов, то теперь ситуация изменилась. Для Эр-Рияда сегодня гораздо важнее рынки Азии, того же Китая, который в прошлом году импортировал 53,9 миллиона тонн саудовской сырой нефти, около 1 миллиона баррелей в день. Но на возможность саудитов влиять на мировые цены переориентация на азиатские рынки ничуть не повлияла, поскольку, в случае необходимости, королевство способно увеличить добычу еще на три миллиона баррелей ежедневно, «закрывая» таким образом три процента мирового потребления.

К счастью, одномоментно снизить цены нельзя, как бы этого не хотелось политикам. По итогам визита Обамы в Аравию было решено вопрос об участии саудитов в «войне на понижение» цен на энергоносители и замещении монархиями Залива выпадающих объемов российских нефти и газа для других стратегических партнеров США рассмотреть в отдельном порядке, проработать на уровне неформальных экспертных групп, которые и должны будут выработать план этой самой «войны на понижение». Следовательно, у России есть еще примерно год для выработки и практической реализации ответных шагов в сфере энергетики и экспорта сырьевых ресурсов. Собственно, на этом все позитивные новости о визите Обамы для нашей страны заканчиваются.

Иранский ребус для Абдаллы и Обамы

Девяностолетний саудовский монарх Абдалла хоть и слаб, но не дряхл, а потому переговоры с американским президентом вел достаточно жестко.

Пойдя навстречу «блудному сыну» Обаме, от нужды вернувшемуся в лоно традиционной американско-саудовской дружбы, монарх тут же потребовал от своего вашингтонского гостя гарантий того, что наметившийся диалог между США и Ираном не повредит королевству. Пожалуй, это был один из самых драматических моментов этой встречи на высшем уровне, поскольку вопрос противостояния Ирану и «шиитскому Пробуждению» в регионе является для саудовской династии, без всякого преувеличения, вопросом жизни или смерти. «Антишиитская лига», которую формирует и финансирует Эр-Рияд, — идея параноидальная, но не более параноидальная, чем саудовская иранофобия. Шииты в Йемене, который приобретает все большее значение для безопасности королевства, столь серьезное, что на нынешних переговорах с Обамой король Абдалла специально оговорил продолжение совместных операций американских военных и саудовской национальной гвардии в йеменском конфликте. Восточная провинция самого королевства, где углы шиитского недовольства готовы вспыхнуть в любой момент. Растерзанный и замордованный Бахрейн, замирить который так и не удалось, ливанская Хизбалла, которая развивается вопреки совместным ударам по ней Израиля и саудитов. Есть от чего паниковать и отчего болезненно реагировать на любые попытки Вашингтона выстроить особые отношения с Ираном, который, как считают саудиты, стоит за «шиитским Пробуждением».

Американскому президенту стоило немалых трудов убедить саудовского монарха в том, что нынешние отношения Вашингтона и Тегерана не нанесут ущерба саудовской безопасности. В стремлении успокоить союзника Обама пошел на откровенный подлог: поделился «сокровенным» — уверенностью в том, что нынешнее руководство Ирана под влиянием «оттепели» все больше станет ориентироваться на Запад, что, якобы, Обама располагает сведениями о готовности иранского руководства пойти на серьезные договоренности с США. Трудно сказать, поверил ли Абдалла блефу американского президента. С большой долей вероятности — нет, поскольку получив заверения в том, что Вашингтон будет продолжать политику сдерживания Тегерана всеми возможными средствами, саудовский монарх и присутствовавший на встрече наследный принц Салман потребовали от Обамы продолжения и широкомасштабных поставок оружия, и работ по совместному созданию системы ПерсоПРО.

Подводя итоги визита Барака Обамы в Эр-Рияд, нужно признать, что эта поездка американского президента и его переговоры с руководством Саудовской Аравии еще раз подтвердили простую истину для Москвы и Тегерана. В вопросах геополитики Соединенным Штатам верить нельзя ни на грамм. Если они лгут союзникам, как это сделал Обама в «иранском вопросе», если они готовы закрывать глаза на то, что гегемонистские устремления саудовской династии оборачиваются кровью и войной для всего региона, если они начисто забывают о том, что именно Саудовская Аравия является главным и основным спонсором международного терроризма, то стоит ли ожидать, что в отношениях с Москвой и Тегераном они будут вести себя более честно и миролюбиво?

Сергей Никитин

США хотят отнять у иранского народа его мечту

Своеобразным новогодним «подарком» от американской администрации иранским студентам стало объявленное госсекретарем США Джоном Керри ослабление антииранских санкций в области образования. Новый документ предполагает возможность академического обмена студентами между высшими учебными заведениями США и Ирана. Более того, талантливым иранским студентам американских ВУЗов теперь предоставлена возможность получать стипендии от правительства Соединенных Штатов. Вне сомнения, США указанным постановлением открывают новые горизонты перед одаренными иранскими студентами и докторантами. Достижения и успехи последних могут послужить прогрессу Исламской Республики. За десятилетия санкций, разного рода ограничений и блокирования научных контактов в Иране сложилась собственная, поистине уникальная образовательная система, которая вполне может конкурировать не только с ближневосточными, но и с западными аналогами, а по ряду показателей существенно их превосходит. Однако, отменяя санкции в образовании, Вашингтон имеет и собственные интересы, отнюдь не гуманитарного характера.

Иранская школа — залог успехов науки

Залогом высокого интеллектуального уровня студенчества, его работоспособности и дальнейшей пригодности к научной работе в значительной степени является бэкграунд каждого из студентов — школа. Учиться маленькие иранцы начинают с 5 лет, посещая разного рода дошкольные учреждения, Mahd-e kudak — по типу российских детских садов. Там дети развиваются физически, эмоционально, получают некоторую социальную адаптацию. Иранские детские сады не являются обязательными, однако за пребывание в них детей их родителям не нужно платить. Что касается следующей, уже обязательной, школьной ступени образования, то она называется Dabestan и предполагает 5 лет обучения. Детей обучают чтению, письму, а также дают некоторые общие знания, воспринимаемые еще маленькими учениками. После окончания Dabestan дети сдают особый единый государственный экзамен — первый, но не единственный в

своей жизни, получают сертификат и отправляются в младшую среднюю школу — Rahnamayi. Срок обучения там — 3 года. На этом этапе выясняются склонности и способности детей, возможная сфера их деятельности в будущем. Именно с данной ступени иранцам начинают преподавать английский язык. После восьмого класса заканчивается 8-летний обязательный цикл образования. Школьники сдают очередной единый экзамен и попадают в старшую среднюю школу, Dabirestan, которая, в отличие от предыдущих ступеней, разделяется, исходя из способностей учеников. Наиболее одаренные и готовые продолжать в будущем учебу в ВУЗах выбирают теоретическое направление. Те, которые намерены остановиться на профессионально-техническом уровне, идут на профессионально-техническое и прикладное.

После получения диплома старшей школы желающие попасть в университеты проходят еще один год специальной подготовки, получают соответствующий сертификат и сдают еще один единый экзамен — Konkoog. Примечательно, что это испытание включает в себя не только предметы, непосредственно затребованные на выбранном абитуриентом факультете, но и ряд общих дисциплин — физику, химию, математику, биологию, литературу, исламские науки и персидский язык. Интересной особенностью является то, что в медицинские ВУЗы берут только абитуриентов с самыми высокими баллами. Как видим, иранский подход принципиально отличается от англосаксонского, строго специализированного, и ближе к советской и, частично, французской образовательным системам. Стоит отметить, что в Иране имеется также сеть школ для одаренных детей, которые являются платными, однако малоимущие дети получают существенные скидки на обучение.

Сильнейшее высшее образование Ближнего Востока

Что касается высшего образования, то оно, в отличие от европейского и российского, разделено на три этапа — по два года каждый — Kardani, Licence (бакалавриат) и Fogh-Licence (магистратура). Далее желающие обучаются в аспирантуре, после которой представляют для защиты собственные исследования. По итогам обучения и представленных проектов они получают ученую степень, скорее звание «доктора науки», PhD. Особняком стоит в Иране обучение учителей. Педагогические центры, рассчитанные на подготовку педагогов дошкольного и младшего школьного образования, предоставляют двухгодичные программы. По итогам обучения выпускники получают диплом, приравненный к первой ступени обучения в университете, Kardani, Fogh-e Diplom.

Всего на территории Исламской Республики Иран сейчас имеется около 80 самостоятельных университетов, а общее число высших учебных заведений в стране — более 250. Юрисдикция учебных заведений Ирана также весьма необычна — если школы подчинены Министерству образования, то ВУЗы находятся в компетенции Министерства науки и технологий. Медицинские высшие учебные заведения, однако, подчиняются Министерству здравоохранения и медицинского образования. Подобное разделение дает возможность более четко ориентировать образовательные структуры на поставленные им цели.

Несмотря на пропаганду Запада относительно пагубности религиозных ценностей для развития науки и образования, существует объективная статистика невиданного количества образованных людей в ИРИ после Исламской Революции. Сейчас таковых — 85% населения страны. Более того, среди молодых, учившихся уже в Исламской Республике иранцев этот показатель составляет 97%. Кстати, количество студентов по отношению к работающим гражданам в Иране — одно из самых высоких в мире и составляет 10,2%. Это показывает перспективы, которые открыты перед ИРИ в научной и образовательной сфере.

Крайне примечательно, что большинство студентов иранских ВУЗов, 60–65%, — женщины. Согласно проводимому ЮНЕСКО опросу, именно на территории Исламской Республики оказался самый высокий процент женщин-студентов по отношению к мужчинам — 1.22 к 1. Это ярко демонстрирует успехи ИРИ и ее системы образования в деле обучения женщин. Впечатляют и академические успехи иранских ВУЗов. Тегеранский университет, Университет Тарбиат Модарес и Технологический университет Шариф входят, согласно рейтингу SCImago, в тысячу лучших ВУЗов мира, однако точных сведений о качестве их образования западные специалисты, почему-то, «не приводят».

Иранская наука — в числе мировых лидеров

Пожалуй, лучшими индикаторами успехов иранских ученых могут служить научные достижения Исламской Республики. В частности, по данным на 2013 год, на долю Ирана пришлось 43% всей выпускаемой мусульманским миром нанотехнологической продукции. ИРИ сильно опередила в этом отношении Турцию (12%), Малайзию (11%) и Египет (8%). На данный момент нанотехнологиями в Иране занимаются 57 лабораторий и 852 специальные организации. Связанные с данной отраслью дисциплины преподаются в 17 высших учебных заведений страны. Всего этим обучением затронута 5043 студента и 1325 аспирантов. По большей части нанотехнологии используются в медицине, что позволяет нам вспомнить информацию о том, что только лучшие выпускники школ идут в медицинских ВУЗы ИРИ. Здесь следует напомнить о значительных успехах ИРИ с ВИЧ-вирусом иммунодефицита. Иранские ученые научились создавать искусственную мембрану протеинов CCR5, которая имеет основное значение в проникновении вируса в организм человека.

Впрочем, другие научные направления развиваются в стране не менее успешно. В минувшем году Иран дважды запустил в космос обезьяну, представил ряд передовых образцов военной техники (модернизированные комплексы С-200, собственные комплексы Bavar-373, истребитель Qaher-313, беспилотники Throne и Eris и др.). Учитывая достижения Ирана в этой области 5–7 апреля Тегерану было предоставлено право провести чемпионат мира по робототехнике RoboCup IranOpen.

По данным на сентябрь 2013 года Исламская Республика оказалась абсолютным лидером ближневосточного региона в сфере прикладных наук. Более того, ИРИ занимает 16-е место в мире по данному показателю. От нее отстают Турция и Швейцария. Лишь слегка впереди Россия и Тайвань. Все эти достижения стали возможными в условиях жестких экономических

санкций, затронувших, в том числе, и иранскую науку. Ограниченность научных контактов с наиболее передовыми научными центрами и их сотрудниками, значительно затрудненный обмен информацией не помешал иранцам создать собственные мощнейшие научные школы.

Оборотная сторона американской «доброты»

Во многом успехи иранской науки объясняются и идеологией. Сейчас в Иране заканчивает ВУЗы поколение, родившееся после войны с Ираком 1980–1988 гг. Родители этих молодых людей сначала участвовали в Исламской Революции, а затем героически защищали свою Родину от агрессии Саддама Хусейна, который вел эту войну при поддержке едва ли не всего остального мира. Революционный и патриотический дух иранцев, отстаивавших независимость и территориальную целостность ИРИ, был настолько высок, что он оказался перенесен и на воспитание детей, которых готовили к возможной обороне республики и революции. Залогом успеха такой обороны являются хорошее образование и наличие продвинутых военных (и не только) технологий. Это и привело к невиданным доселе на Ближнем Востоке темпам развития науки в Иране, который уже стал не просто самодостаточным в экономическом и политическом плане государством, но и превратился в лидера мирового научно-технического прогресса. Такая перспектива не может не пугать США и их союзников.

Представляется, что одной из целей привлечения иранских студентов в американские ВУЗы станет попытка оторвать наиболее талантливую часть иранской молодежи от своих корней, заставить их работать в интересах Запада. Во многом этим объясняется «неожиданная» готовность выплачивать молодым иранским ученым специальной стипендии. США — не то государство, которое будет просто так тратить средства государственного бюджета. Скорее всего, возможности студентов попытаются максимально использовать для создания новых проектов в различных сферах, в том числе и в военно-технической.

Такая мера убивает сразу двух зайцев — развивает науку Соединенных Штатов и «вытягивает» из Ирана лучшие, наиболее полезные для прогресса страны кадры. Кроме того, необходимо понимать и то, что воспитанная на Западе, под столь пристальным «научным руководством» элита, имеет все шансы стать коллективным агентом влияния этого самого Запада на территории ИРИ, важной подпиткой пятой колонии в этой стране. По-видимому, данная цель также рассматривается архитекторами отмены санкций.

Осознав успехи Исламской Республики в сфере воспитания и образования молодежи, США и Запад теперь ставят во главу угла своей необъявленной войны против Тегерана борьбу за умы и сердца молодых людей, в особенности наиболее перспективной и талантливой их части. Духовный лидер Ирана Али Хаменеи неоднократно подчеркивал, что будущее Ирана во многом зависит от нынешней молодежи, отмечая при этом, что она высокообразованная, талантливая, самоотверженная, может высоко и гордо нести знамя Исламской республики. По его мнению, иранская молодежь — это самое бесценное богатство, подаренное творцом, которое является главной мечтой и надеждой всего иранского народа.

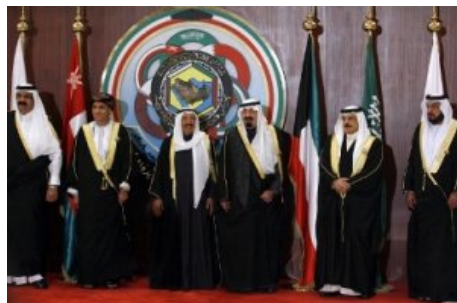
Отмененное американцами ограничение на контакты студентов, вне всякого сомнения, важно и полезно и для Ирана, однако его следует рассматривать скорее как стратегическую меру, направленную, прежде всего, на обеспечение национальных интересов Соединенных Штатов. Американцы (руководство и все спецслужбы) убедились в том, что другими способами разрушить эту страну не возможно, и теперь они как коршуны начали кружить над иранской молодежью, чтобы украсть, отнять у иранского народа его мечту, как они сделали это уже со многими другими народами. Кстати, одна из главных причин, по которой США за 35 лет не смогли победить Иран, не смогли организовать так называемую «цветную революцию», заключается в следующем. США для смещения неугодных им режимов, как правило, опираются на своих агентов влияния (на тех, кто получил образование в США или ведет бизнес с американцами), на продажных чиновников и, конечно же, на свою «пятую колонну». К счастью для Ирана в результате его жесткого противостояния с США эти две страны были практически полностью изолированы друг от друга, и перечисленные три силы, не имея ежедневной подпитки (финансовой, идеологической) постепенно утратили свою дееспособность. Хотя «пятая колонна» в Иране все же до сих пор существует и достаточно часто в разных ипостасях (события 2009 года) дает о себе знать. Нет никаких сомнений в том, что вскоре подобные существовавшим в США ограничения будут отменены и в Европе, что послужит тем же целям. Впрочем, как мы знаем из истории, попытка «украсть» из страны «мозги» отнюдь не самое страшное испытание из тех, что выпадали на долю иранского народа, и вряд ли оно окажется для ИРИ непреодолимым. Вместе с тем, желание заполучить талантливую иранскую молодежь со стороны передовых стран Запада, помимо всего прочего, представляет собой косвенное признание достижений иранской науки и образования, которые, несмотря на 35-летнее противодействие, не только не пришли в упадок, но и добились поистине поразительных успехов.

Игорь Николаев

Иранофобия: «Бахрейнская» карта и шпионские игры

Лукавство и лицемерие внешней политики монархий Персидского залива ни для кого не являются секретом. Делая утром «на публику» миролюбивые заявления о необходимости нормализации отношений с Ираном, правящая элита монархий вечером в узком кругу и в закрытых аудиториях говорит об «иранской угрозе», о необходимости военно-политической мобилизации для отражения «экспансии Тегерана» и о совместных с США «наступательных шагах» в войне против собственного населения.

Свежий пример лицемерия — заявления эмира Кувейта Сабаха аль-Ахмед аль-Джабер ас-Сабаха, сделанные им по итогам встречи с заместителем министра иностранных дел Ирана Хосейном Амиром Абдоллахияном. Сабах ас-Сабах, один из наиболее убежденных сторонников тотального американского присутствия в Персидском заливе, один из основных спонсоров «египетского» и «сирийского» проектов своего «старшего брата», короля саудовской Аравии, заявил на встрече с Абдоллахияном о том, что «взаимодействие с Тегераном послужит интересам обоих государств», и с благодарностью принял переданное ему приглашение президента Ирана Хасана Роухани посетить Исламскую Республику.

Всего немногим более недели назад, в кулуарах саммита арабских государств, который эмир принимал в собственной столице, он говорил совсем другое. О том, что «экспансия шиитов, которой через тайные каналы руководит Тегеран, набирает силу...». О том, что «нам нужно забыть все наши внутренние разногласия для того, чтобы встретить угрозу распространения влияния Тегерана единым фронтом, едиными и скоординированными действиями». Титанические усилия, которые предпринимает команда иранского президента Хасана Роухани для нормализации отношений с монархиями Персидского залива, натываются на стену враждебности, в лучшем случае — ничего не значащих вежливых дипломатических фраз и цветистых заявлений, за которыми нет никаких практических шагов на встречу инициативам Тегерана. Заявления же ряда иранских и западных аналитиков о «наметившемся прогрессе» — это попытки выдать желаемое за действительное. Достаточно вспомнить принятую неделю назад жесткую антииранскую резолюцию ССАГПЗ по поводу территориальных споров монархий с Тегераном, чтобы иллюзии о «готовности монархий» к диалогу с Ираном полностью исчезли. Как, собственно, и иллюзии о возможности

диалога с этими монархиями для Москвы. На последнем заседании ООН по вопросу Украины члены ССГАПЗ голосовали подчеркнуто единодушно и антироссийски.

Миролюбивая риторика Объединенных Арабских Эмиратов и того же Кувейта — дымовая завеса. Да, этим странам необычайно комфортно служить «прачечной» для «серых» внешнеторговых сделок с Ираном, совершаемым в обход санкционного режима. Комфортно и выгодно, поскольку от каждой сделки в казну монархов падает некий процент — «мелочь, а приятно». Но — не более того, поскольку в отношениях с Тегераном существует «второе дно», паническая боязнь утраты власти из-за активизации проживающих в монархиях шиитов. Иран может сколько угодно делать конкретные шаги навстречу монархиям, демонстрировать добрую волю, предлагать взаимовыгодное сотрудничество. Искренности и миролюбия в ответ он не получит, поскольку всегда будет «подозреваемым». И для защиты от мифической «иранской угрозы», боязнь которой сильно смахивает на паранойю, короли, султаны и эмиры Персидского залива предпочитают открытому диалогу с Тегераном стратегическое партнерство с США и гарантии безопасности от Вашингтона. Что Вашингтон, когда даже Израиль становится союзником Саудовской Аравии в борьбе против Ирана!

Бахрейнское «эффективное управление»

Естественно, что диалог монархий с Вашингтоном, приложившим массу усилий для разжигания исламофобии в западном мире, вызывает у мусульманского общества, мягко говоря, недоумение, перерастающее в открытое недовольство и прямые обвинения. Сохранить в этих условиях свою власть, жизнь и накопленные «непосильным трудом» нефтедоллары монархи могут лишь одним способом — лгать об иранской агрессии, лгать о том, что «шиитское Пробуждение» в Персидском заливе — это результат подрывных действий Тегерана, а не следствие собственного высокомерия, некомпетентности и неумения править в современных условиях, когда на каждого требующего реформ палачей не напасешься. Полыхающий уже три года Бахрейн — это яркий пример никчемности, политической слепоты и варварства «эффективных менеджеров благородных кровей». И одновременно — классический пример того, как собственную бездарность прикрывают мифом об «иранской угрозе».

К началу волнений в Бахрейне существовал самый настоящий конфессиональный апартеид в отношении шиитов, составлявших почти 80% населения:

- из 572 государственных должностей шииты занимали 101 (18%);
- из 47 министерских портфелей шиитам принадлежало 10 (21%);
- из 68 заместителей министра шиитов было 7 (11%);
- из 47 помощников министров шиитов 10 (21%).

Состав Королевского суда, национальной гвардии, службы национальной безопасности и службы информации СЮ (разведка) формировались только и исключительно из суннитов, в армии и МВД шиитов было 3%. А в «гражданских» министерствах, где ограничения по конфессиональной

принадлежности были менее жестки (Министерство общественных работ и жилищного строительства, Министерство здравоохранения) официально существовали ограничения при назначении шиитов на руководящие должности.

Даже это представительство шиитов воспринимается как угроза существующему строю и признак «стремления шиитов к захвату власти», как было сформулировано в докладе местного «эксперта» Низара Мухаммеда Саида аль-Ани «Scenarios to improve the general situation of the Sunni sect in Bahrain», своеобразного «протокола шиитских мудрецов», публикация которого наделала в Бахрейне столько шума, что власти вынуждены были отправить «эксперта-конспиролога и борца с шиитской угрозой» аль-Ани в Великобританию на непыльную культурно-дипломатическую работу, от греха подальше. Отправить-то они его отправили, но в принятых в это же время государственных программах «Bahrain's National Youth Strategy» и «Bahrain's National Employment Project» были предусмотрены мероприятия по ограничению экономических возможностей шиитской общины и по предоставлению финансовых льгот суннитам, вплоть до специальной подпрограммы материальной поддержки молодых суннитов, берущих в жены более одной женщины. Когда почти 80% населения страны являются гражданами «второго сорта», никакого внешнего влияния для волнений не нужно, достаточно местных «эффективных менеджеров» во власти, тупостью и высокомерием ставящих страну на грань гражданской войны.

Мифическая «рука Тегерана»: за три года — ни одного доказательства

Но признать свою несостоятельность правящая верхушка монархий Персидского залива ни за что не согласится, и с первых дней волнений в Бахрейне начал раздуваться миф о «руке Тегерана», стоявшего, якобы, за массовыми выступлениями. Ровно три года назад король Бахрейна Хамад аль-Халифа отправил в ООН специальный доклад, в котором обвинил Иран в «подстрекательстве к насилию в стране», и пообещал предоставить доказательства о «вопиющих фактах иранского участия в подготовке террористов». В соответствии с поговоркой про то, что «обещанного три года ждут», доказательств как не было, так и нет, а вместо них подбрасываются некие версии и подозрения, ничего, кроме скептицизма у специалистов не вызывающие.

Заявления аль-Халифа напрочь опровергались фактами. Такими, например, что самого начала событий бахрейнская оппозиция открыто заявила о том, что не намерена свергать короля, а целью и главным требованием манифестантов являлось отстранение от должности погрязшего в коррупции премьера Бахрейна Халифа бен Салмана Аль Халифа (дяди короля, занимающего этот пост уже сорок лет) и всего кабинета министров. Также оппозиция требовала предоставления больших прав шиитам, усиления борьбы с коррупцией и проведения внеочередных парламентских выборов, а не того политического фарса, который имел место в 2010 году, — когда в ходе выборов стало ясно, что большинство мест правящей суннитской коалиции в парламенте по итогам выборов «не светит», правительство объявило о «раскрытии» шиитского шпионского заговора в пользу Ирана и

запретила предвыборную деятельность всех кандидатов-шиитов. Заявления СМИ Запада и монархий Персидского залива о «причастности Ирана к событиям в Бахрейне» на фоне этих требований звучали откровенно лживо, но кого это смущало, если появилась возможность еще раз плеснуть масла в костер иранофобии?

Миф о «руке Тегерана» был тут же подхвачен в Саудовской Аравии и Кувейте, тут же организовавшим ряд «показательных процессов» над гражданами собственных стран, которым были предъявлены обвинения в подрывной и шпионской деятельности в пользу Ирана. Но вновь загвоздка — в шпионаже-то они, пусть и с откровенными нелепостями и домыслами, сознавались, но вот доказать связь обвиняемых с террористической деятельностью так и не удалось. Как не удалось доказать и то, что «террористы» в Кувейте, Саудовской Аравии и Бахрейне проходили подготовку «в лагерях шиитской Хизбаллы, в центрах Корпуса стражей исламской революции в Иране и на тренировочных базах шиитских боевиков в иракской Кербеле».

Все, что до сих пор предъявлялось спецслужбами стран Персидского залива как «доказательства подрывной и террористической деятельности Ирана», носит откровенно надуманный характер, но никак не повлияло на то, что Вашингтон одобрил фактическую оккупацию Бахрейна силами безопасности Саудовской Аравии и контингента полицейских сил из других стран Залива. И не просто одобрил, но и приложил все усилия, чтобы правда о массовых репрессиях, пытках и бессудных казнях в сегодняшнем Бахрейне не стала достоянием гласности и темой публикаций западных СМИ.

Белый дом: для ублажения союзника о демократии можно забыть

В дни, когда саудиты входили в Бахрейн, немецкая Die Welt писала: «Саудовский король защищает свою власть в соседнем Бахрейне: Именно этого и стараются не допустить саудовцы, которые предпочли оккупировать Бахрейн, чтобы предотвратить реформы, требуемые шиитскими мятежниками. Ведь эти реформы неизбежно повлияли бы и на шиитское меньшинство в Саудовской Аравии. Более того, возник бы вопрос о законности и полномочиях саудовской династии. Саудовский король еще как-то смирился с революциями в Тунисе и Египте, но терпеть такое у себя по соседству он не собирается. У власти в Бахрейне должны по-прежнему оставаться суннитские автократы. Как и в самой Саудовской Аравии. Двойная мораль саудовцев слишком очевидна».

В ходе событий в Бахрейне саудовский король пообещал отрезать руки любому, кто захочется на установившуюся форму правления и существующий порядок вещей в зоне Персидского залива. Не стабильность в стране, не закон и порядок защищает в Бахрейне полицейский контингент стран, входящих в Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), а именно интересы саудовской династии и феодальный порядок вещей, при котором «один монарх — одна вера — и никакой демократии». И эта позиция пользуется полной поддержкой Вашингтона. Разговоры о демократии — это для наивных обывателей, в реальности же:

- на территории Бахрейна находится база Пятого флота, на расширение которой из бюджета США в 2009–2013 году было выделено \$980 миллионов;
- с территории Бахрейна осуществляется авиационное и радиослежение за территорией Ирана;
- через Ормузский пролив, ключом к которому является Бахрейн, проходит каждый пятый галлон потребляемой в мире нефти.

Утрата контроля над Бахрейном означает утрату контроля над Персидским заливом (кстати, уступая стремлению США обустроить свое пребывание в Бахрейне наиболее комфортно, власти Бахрейна, единственные из стран Персидского залива, разрешили открытую продажу алкоголя). А потому США кровно заинтересованы в стабильности правящего режима, что еще раз подтвердил Обама на встрече с саудовским королем Абдаллой. И не просто подтвердил. В недрах американских спецслужб появился и уже активно обсуждается в политических коридорах Вашингтона проект расширения сотрудничества американских спецслужб с аналогичными ведомствами монархий Персидского залива в деле противостояния «шиитской экспансии и расширению иранского влияния». Антииранское содержание диалога Обамы и Абдаллы было главным в недавнем визите, и теперь новые договоренности США и Саудитов реализуются на уровне практических шагов, некоторые из которых вошли в представленный спецслужбами документ. Речь в нем идет о необходимости:

- увеличения интенсивности обмена разведывательной информацией;
- о финансировании программ подготовки местных служб береговой и пограничной охраны;
- о сотрудничестве в области кибербезопасности и, разумеется,
- о финансировании программы совместных действий сил специальных операций США и Саудовской Аравии в борьбе с шиитскими повстанцами в Йемене;
- но, главное, о создании единого органа, координирующего деятельность разведок монархий Персидского залива со спецслужбами США.

Причем, как утверждают эксперты, проект уже получил предварительное одобрение у членов ССАГПЗ, включая Эмираты, Кувейт, Катар и Саудитов, а значит — и их одобрение на финансирование нового этапа «шпионских игр». Какие уж тут вопросы демократии и прав человека, коли речь зашла о деньгах и расширении стратегического партнерства?

Миролюбивая риторика королей, эмиров и султанов Персидского залива в отношении Тегерана стоит недорого. Не дороже красивых слов их партнера, Барака Обамы, заявившего во время Национального молитвенного завтрака 6 февраля 2014: «право каждого человека свободно исповедовать свою религию» является ключевым «для сохранения достоинства человека», и что «продвижение свободы вероисповедания является основной целью внешней политики США». Но к Ирану и шиитам Персидского залива все это никакого отношения не имеет.

Враждебная суэта вокруг иранского атома

Сегодня в Вене стартовал очередной раунд переговоров «шестерки» и Ирана по ядерной программе. Речь идет о поэтапном снятии разногласий, а не о каком-то «прорыве», о чем на этот раз не говорят даже иранцы. Министр иностранных дел Ирана Мохаммад Джавад Зариф спокоен: «Мы не ожидаем достигнуть договоренности в этом раунде переговоров. Мы согласились обсудить ряд вопросов». Всеобъемлющее соглашение должно быть выработано до 20 июля, в ответ к этому сроку ожидается полное снятие международных санкций в отношении Ирана. Успешное превращение «переговорного процесса» в «окончательный документ», тем не менее, остается под вопросом. США, Евросоюз, Израиль и Саудовская Аравия никак не могут отказаться от политизации иранского атома, продолжают выдвигать Тегерану дополнительные требования, не имеющие отношения к его ядерной программе. США и Европа необоснованно пытаются увязать переговоры с событиями в Сирии, кризисом на Украине, решением Крыма о воссоединении с Россией и резким ухудшением отношений Москвы с Западом. Так уж получается, что на пути Ирана, стремящегося к тому, чтобы стать первой ядерной державой без ядерного оружия, встали его многие недоброжелатели.

Старый Свет — в обозе иранофобии США

Сейчас не только американцы, но и европейцы демонстрируют явные «двойные стандарты» в своей позиции по Ирану. Глава дипломатии ЕС Кэтрин Эштон не устает предупреждать международное сообщество, что переговоры с Ираном по ядерной программе могут закончиться безрезультатно и не приведут к заключению всеобъемлющего соглашения. На каких основаниях делается столь мрачный прогноз, Эштон предпочитает замалчивать. На самом деле претензии Евросоюза к Ирану никакого отношения к иранской ядерной программе не имеют. Брюссель питает иллюзию по ослаблению исламского режима, провоцирует надуманную остроту с положением прав человека в Иране, хотел бы иметь свой офис в Тегеране для вмешательства во внутренние дела ИРИ. Ничего нового в ответ на взвешенную и прагматичную иранскую дипломатию периода Роухани Европа не предлагает. Евросоюз все более производит впечатление американской марионетки, действующей вопреки своим же интересам. Старый Свет становится на международной арене предметом насмешек.

Чего стоят, к примеру, европейские фантазии на тему легитимности избрания президентом Ирана Хасана Роухани в июне прошлого года? Накануне этого раунда переговоров Комитет по внешним связям Европейского парламента проголосовал за проект резолюции, в котором утверждается, что состоявшиеся в июне прошлого года президентские выборы в Иране проходили с нарушением того, что называется «демократическими стандартами, принятыми в Евросоюзе». Теперь этот документ будет поставлен на дебаты, а затем на голосование на пленарном заседании Европарламента сразу же после завершения переговоров в Вене. О чем голосовать, спустя почти год после выборов, которые, кстати, самим иранским обществом оцениваются как победа здравого смысла над консервативными предупреждениями?

Свободный выбор иранского народа приветствовали в десятках стран мира, новое руководство страны убедительно доказывает приверженность дипломатическому решению не только своей ядерной проблемы, но и таких региональных конфликтов на Ближнем Востоке, как в Сирии и Афганистане. В условиях, когда арабский мир по вине США и Саудовской Аравией погружен в хаос, Иран справедливо представляется единственной региональной силой, способной позитивно влиять на региональную стабильность. Однако, с европейской стороны стремятся этого не замечать, и, как и прежде, смотреть на Иран сквозь призму сохраняющейся враждебности. Не только смотреть, но и пытаться действовать.

Евросоюз предлагает иранцам открыть свой офис в Тегеране. Председатель парламентской комиссии по безопасности и внешней политике парламента ИРИ Алаэддин Боруджерди выразил несогласие с возможностью Алаэддин Боруджерди появления в Иране представительства Евросоюза. У иранских парламентариев нет желания сотрудничать с европейскими коллегами, вмешивающимися в чужие внутренние дела. В Тегеране киевского майдана не будет, диктовать и приказывать, как жить иранцам, Европа не сможет. Эштон зря не услышала иранское предупреждение о недопустимости устраивать провокационные шоу в среде иранской сомнительной оппозиции, во главе которой стоят обиженные политики, также близкие к европейским ценностям, как и украинские радикалы-националисты. Европе следовало бы быть разборчивее в своем рвении угодить Вашингтону. Реальный политический вес ЕС на международной арене в эти дни тает буквально на глазах, зря западные участники «шестерки» стали рисовать на своих баннерах в Вене «3 + 1», имея в виду США, Великобританию, Францию и не имеющую статуса постоянного члена Совбеза ООН Германию. Иранское руководство не сомневается в том, что с Россией и Китаем Западу по-прежнему придется считаться. Это действительно так, если Запад, конечно, желает успешного завершения переговоров. Сейчас на это счет появились серьезные сомнения, прежде всего, настораживает двусмысленная позиция неуверенного в себе американского президента.

Обама — в плену сомнительных концепций

Белому дому удалось предотвратить принятие Конгрессом новых санкций в отношении Ирана, и Обама против того, чтобы этот вопрос был поставлен вновь. Вашингтон пока придерживается своего решения дать согласие на то, чтобы Иран имел небольшую программу обогащения урана при условии

контроля и с абсолютным запретом на использование обогащенного урана в военных целях. Политики США понимают, что ведущиеся с Ираном переговоры — единственный путь решения его ядерной проблемы, однако в Америке есть свои параметры ядерного соглашения с Ираном, которые могут быть приемлемы для США, но не устроят иранскую сторону. Разработанная бывшим сотрудником администрации Робертом Эйнгорном концепция «Предотвращение ядерного Ирана», как говорят, стала настольной книгой Обамы. Этому можно верить. Обаму американцы считают самым слабым лидером страны за последние сто лет, а его непоследовательность в отношении Ирана говорит об отсутствии у него четкой личной позиции. Руководитель США выстраивает иранскую политику «по учебникам», ядерная грамотность которых у специалистов вызывает усмешку.

Главный критерий — увеличение «времени прорыва», т.е. срока, который потребуется Ирану в случае, если руководство страны вдруг решит сделать бомбу. Американцы хотели бы иметь 6–12 месяцев, а сейчас, якобы, по условиям предварительного соглашения, «время прорыва» составляет всего 2–3 месяца. То, что иранцы не намерены создавать ядерное оружие, в расчет не принимается. Американцы не отказались от заблуждения в том, что Иран стремится «быстро и незаметно создать ядерное оружие». Соединенные Штаты, оценивая траекторию ядерной программы Ирана, еще в конце 2012 года прогнозировали, что Иран может достичь критического потенциала в своих исследованиях к середине 2014 года. «Критический потенциал» американскими экспертами определяется как точка, в которой Иран будет в состоянии произвести достаточное количество оружейного урана (или плутония) для производства одной или нескольких бомб. «Часы тикают. Мы не собираемся позволить Ирану постоянно участвовать в переговорах, которые никуда не ведут», — отмечал на заключительном этапе президентских дебатов в 2012 году Обама. Сейчас, когда переговоры выходят на финишную прямую, Обама опять обвиняет Тегеран. В этой же концепции предусмотрено, что договор с Ираном должен включать автоматические жесткие санкции СБ ООН и США за любое нарушение оговоренных ограничений. При подписании договора Конгресс США должен заранее дать президенту разрешение на применение военной силы в случае нарушения Ираном его условий. Налицо нежелание закрывать ядерное досье Ирана мирными договоренностями, «военная опция» остается на столе Обамы, которому в Иране совершенно обоснованно не доверяют.

В докладе «Стратегия США по нераспространению ядерного оружия в условиях изменений на Ближнем Востоке» авторы предлагают рецепты дальнейших действий в отношении Ирана. Их общая направленность — сочетание односторонних западных экономических санкций и специальных операций. Дипломатия может быть только ретушью, корректирующей для восприятия мировой общественностью и другими участниками переговоров по иранской ядерной программе неизбежные дефекты в политике США в отношении Ирана. А еще, и это, пожалуй, главное, демонстрация заинтересованности в переговорах «шестерки» с ИРИ для Вашингтона важна для маскировки его двойной игры в отношении Ирана.

Для США переговоры по ядерной программе ИРИ, как показывают американская дипломатия и практические действия Белого дома, — это лишь прикрытие. Вашингтон использует гуманную и в принципе поддерживае-

мую мировым сообществом, в том числе и Россией, цель не допустить появления ядерного оружия еще в одном государстве нашей планеты, на роль которого Белый дом назначил Иран, в своих интересах. В этой связи правомерен вывод о том, что ядерный вопрос Ирана вышел за пределы правовых и технических дискуссий и превратился для США и их союзников в сугубо политизированное досье, закрыть которое Запад стремится с явной геополитической пользой для себя в регионе. Речь идет, как минимум, о смене политического курса руководства Ирана, а в самом желаемом для американцев варианте, о замене исламского режима на прозападное государственное устройство. Такие же цели преследует и региональные противники Ирана на Ближнем Востоке, в числе которых Израиль и Саудовская Аравия.

Саудовская Аравия и Израиль — альянс обреченных

Чем ближе становится успешное завершение переговоров с Ираном, тем громче раздаются голоса о совместных приготовлениях Израиля и Саудовской Аравии к нападению на Иран. Спецслужбы Израиля и Саудовской Аравии, не дожидаясь результатов переговоров, совместно разрабатывают планы возможной атаки на Иран. Саудовская Аравия соглашается предоставить свое воздушное пространство и военно-воздушные базы в распоряжение Израиля, если премьер-министр Нетаньяху примет решение о войне с Тегераном. Альянс создается на почве общей ненависти правящих элит обеих стран к Исламской Республике. Тель-Авив задействовал все свои ресурсы еврейского лоббирования и пропаганды в США, Эр-Рияд направляет свои финансовые ресурсы на подкуп европейцев, в частности, Франции, заключив с ней военную сделку и заставив ее стать на пути мирного соглашения шести держав с Ираном.

Нынешнее руководство Израиля считает, что главная угроза безопасности еврейскому государству исходит от Ирана. По мере урегулирования иранской ядерной проблемы и выхода Исламской Республики из международной изоляции и односторонних санкций Запада, как прогнозируют в Тель-Авиве, Тегеран будет усиливаться, а эта угроза нарастать. Уже в обозримом будущем Иран может в военном и экономическом отношении стать сопоставимым с Израилем, в дальнейшей перспективе с учетом колоссальных потенциальных человеческих, сырьевых и промышленных ресурсов Тегеран в состоянии занять позицию региональной сверхдержавы. Таков общий контекст израильского подхода ко всем вопросам, имеющим прямое или даже косвенное отношение к иранскому режиму.

В ходе недавней поездки Обамы в Эр-Рияд усилия США прекратить антииранскую истерию королевской семьи и успокоить саудитов не увенчались успехом. Монархия требует от Вашингтона отказаться от «плохой» сделки с Ираном. С Тегераном, кстати, у Саудовской Аравии назревает энергетическая война, прогнозируемая в преддверии отмены нефтяного эмбарго США и Евросоюза против ИРИ. Возвращение Ирана на свои энергетические рынки напрямую затрагивает Саудовскую Аравию, которую США использовали в качестве штрейкбрехера и заставили вопреки решениям ОПЕК заменить в ряде стран иранскую нефть. Большую часть иранских квот перехватило Королевство, и теперь Тегеран намерен ставить перед ОПЕК вопрос о возвращении к привычному порядку. Эр-Рияд обязан согласиться со справед-

ливыми требованиями Ирана, и ему придется сокращать свою собственную добычу, минимум на треть. В сложившейся ситуации Саудовской Аравии выгоднее тормозить отмену нефтяного эмбарго против Ирана, а значит добиваться срыва успешного завершения переговоров по иранской ядерной программе. Саудовцы в борьбе с Ираном готовы на крайние меры, в том числе и на террор чужими руками, точнее, с использованием Пакистана.

Пакистан — темная лошадка под седлом Эр-Рияда

На успехи Ирана в урегулировании ядерной проблемы Саудовская Аравия отвечает прямым вызовом международному сообществу. Эр-Рияд прибегнул к шантажу, угрожая получить ядерное оружие из Пакистана. Парадокс в том, что в то время, когда «шестерка», уполномоченная ООН, договаривается о гарантиях отказа Ирана от обладания оружием массового уничтожения, саудовцы вспоминают о своих ядерных амбициях. Саудовская Аравия намерена сделать все возможное, чтобы не отставать от Ирана. В ее планах — строительство 16 коммерческих ядерных реакторов до 2030 года и стремление наладить полный цикл обогащения урана. Необходимые технологии могут быть закуплены в Пакистане. Речь идет о возможности превращения ирано-саудовского регионального соперничества в конфликт глобального характера в самом опасном варианте — «ядерной гонке», в которую втягивается и Пакистан.

О Пакистане принято вспоминать в основном в связи с его дестабилизирующей ролью в Афганистане, где политика Исламабада всегда финансово поддерживалась Саудовской Аравией и неизменно направлялась против Ирана. Афганистан времен талибов был прямым вызовом безопасности ИРИ, отнявшим у Тегерана колоссальные ресурсы и потребовавшим прямого вмешательства во внутриафганский конфликт на стороне Северного альянса. Сейчас саудовцы хотели бы реанимировать ирано-пакистанскую конфронтацию. Ставка делается на конфликт между суннитами и шиитами. В Пакистане повседневным явлением становятся антишиитские операции местных экстремистов, убивших в 2013 году более 600 шиитов. Граница с Пакистаном становится для Ирана настоящей линией фронта, совсем недавно пять сотрудников иранской пограничной полиции были взяты в заложники суннитской террористической группировкой «Джейш аль-Адль», поддерживаемой Саудовской Аравией. Министр внутренних дел Ирана Абдольреза Рахмани Фазли заявил, что Тегеран «считает своим правом вмешаться и создать новую сферу безопасности для своей защиты».

Результатом влияния Эр-Рияда на Исламабад стало решение пакистанского руководства отказаться от реализации проекта по поставкам иранского газа в Пакистан. Министр нефти и природных ресурсов Пакистана Шахид Хакан Аббаси привел абсурдное объяснение: «поскольку международные санкции продолжают, практические работы в рамках проекта проводиться не будут». По его словам, даже если газопровод будет построен, Пакистан не сможет закупать иранский газ до отмены или ослабления санкций. В то время, когда европейские и азиатские энергетические компании планируют возобновление сотрудничества с Ираном в ожидании скорой отмены санкций, остро нуждающийся в иранском газе Пакистан сомневается в успешном завершении ядерных переговоров. То, что Иран практически уже

завершил строительство своего участка газопровода, Исламабад не смущает. Саудовцы щедро оплатили услугу, сделав заказ на сумму в 1,5 млрд долларов для поставок устаревшего пакистанского оружия в Сирию.

Принципиальная позиция Москвы по разрешению ядерной проблемы Ирана, которая известна партнерам и не меняется уже в течение нескольких лет, не подвержена конъюнктурным соображениям. Российский подход базируется на признании права Ирана на обогащение урана как части его неотъемлемых прав в соответствии с Договором о нераспространении ядерного оружия при обязательной постановке иранской ядерной программы под всеобъемлющий международный контроль. Если такая договоренность будет достигнута, тогда Россия предлагает снять все санкции и в полном объеме.

Напомним, что наличие санкций ООН является препятствием для вступления Ирана в Шанхайскую организацию сотрудничества, усиление влияния которой отвечает интересам мира и стабильности в Центральной Азии. Выход из международной изоляции Ирана увеличит влияние Тегерана на Ближнем Востоке, что для России, имеющей прочные партнерские отношения с Ираном, будет скорее выгодным. Россия выступает против санкций еще и потому, что экономическая и торговая блокада всегда были атрибутами подготовки к войне, а возможное закрытие иранского ядерного досье с помощью военной силы до сих пор в США и Израиле с повестки дня не снято.

Антон Семенов

Российско-иранские отношения переходят на новый уровень

Исключение Москвы из «Большой восьмерки», запугивание разного рода санкциями и угрозы разрыва торгово-экономических отношений заставляют Россию расставить новые приоритеты, в которых ключевые партнерские позиции будут занимать восточные государства. Примером тому служат недавние соглашения, достигнутые Москвой и Тегераном в экономической и энергетической сферах. Так, по данным информационного агентства Reuters, Иран и Россия близки к заключению контракта о поставках товаров в обмен на нефть на сумму в 20 млрд долларов, что составит примерно 500 тыс. баррелей в сутки в течение двух-трех лет.

В агентстве отметили, что в настоящее время все документы для подписания контракта готовы, сторонам осталось прийти к единому мнению относительно стоимости сырья.

Планируется, что в рамках соглашения Тегеран будет поставлять нефть в обмен на промышленные товары, а также продукты питания. Таким образом, Россия станет крупнейшим экспортером иранской нефти в мире, что в свою очередь значительно увеличит экспорт иранского углеводорода вопреки санкциям, а с учетом взаиморасчетов в национальных валютах Москва сделает существенный шаг на пути отказа от доллара.

Следует отметить, что нефтяной контракт России и Ирана не единственный вектор развития двухсторонних отношений. Так, в начале года представитель Организации по атомной энергии Ирана (ОАЭИ) Бехруза Камалванди сообщил, что ИРИ и РФ согласовали проект базового договора о строительстве двух новых АЭС в Бушере.

Соответствующее соглашение должно быть подписано в ближайшее время в Тегеране между главой ОАЭИ Акбаром Салехи и генеральным директором российского концерна «Росатом» Сергеем Кириенко.

Новый энергетический контракт расширит сотрудничество России и Ирана в области ядерной энергетики, которое ранее базировалось на предшествующем договоре, заключенном еще в 1992г.

Не стоит забывать также о том, что в настоящее время иранское руководство в рамках переговоров с «шестеркой» активно добивается снятия

ранее наложенных санкций. С ноября 2013 года ЕС отменили санкции на транспортировку иранских нефтепродуктов и на торговлю драгоценными металлами.

Специалисты полагают, что не за горами полное снятие экономической блокады Тегерана, в том числе санкций, наложенных на ИРИ Совбезом ООН в 2010 году, которые предполагают запрет на торговлю любыми средствами вооружений и военной техники с Исламской Республикой. В этой ситуации Москва и Тегеран получают возможность возобновить и военно-техническое сотрудничество.

Сложившаяся политическая обстановка, когда США оказывают санкционное давление на Москву и Тегеран, подталкивает Россию и Иран активнее развивать взаимовыгодное сотрудничество.

«Афганские» заботы Тегерана

Главым вопросом прошедших в минувшую субботу выборов в Афганистане было отнюдь не имя будущего президента этой страны. Для самих афганцев и соседних с Афганистаном государств куда важнее было понять, станет ли страна после этих выборов стабильнее и безопаснее. Пока что ответ на этот главный для Тегерана и Москвы вопрос — скорее отрицательный.

По имеющимся данным, на выборах проголосовали около 7 миллионов (58%) жителей Афганистана. Талибану, вопреки громким заявлениям, которые делали накануне выборов его лидеры, не удалось сорвать избирательный процесс. Предварительные результаты голосования объявят 24 апреля, но уже сейчас ясно, что ни один из кандидатов не набрал необходимые 50% плюс один голос. А это значит, что Афганистан ожидает второй тур выборов, намеченный на 28 мая. Само собой, что первым, кто дал высокую оценку прошедшим в Афганистане выборам, был Барак Обама, не поскупившийся на хвалебные эпитеты прошедшего голосования: «Мы восхищаемся афганским народом, силами безопасности и официальными лицами избиркома из-за (высокой) явки во время сегодняшнего голосования, что соответствовало энергичной и позитивной дискуссии среди кандидатов и их сторонников в преддверии выборов. От имени американского народа я поздравляю миллионы афганцев, с энтузиазмом принявших участие в сегодняшних исторических выборах, которые обещают стать первой демократической передачей власти в истории Афганистана и представляют собой важную веху в передаче афганцам полной ответственности за их страну по мере того, как США и наши партнеры выводят свои силы».

Разумеется, другой оценки от американского президента ожидать было трудно, поскольку, как никак, Обама — один из архитекторов «афганской демократии», в строительство которой США и различные международные организации вложили миллиарды долларов. Всевозможные афганские выборы, проводившиеся в стране после ввода на ее территорию иностранных войск, костяк которых составляли вооруженные силы США и их союзников по НАТО, обошлись примерно в один миллиард долларов. На нынешнюю президентскую кампанию потрачено уже примерно 140 миллионов. Понятно, что подобные затраты просто обязывают признать любой проект успешным, сколь криво и косо бы он не был выполнен. Но, как это обычно и бывает с заявлениями Обамы, в них все переворачивается с ног на голову.

За парадным фасадом «стабилизации и демократии»

Пока еще действующий президент Афганистана Хамид Карзай, как известно, напрочь отказался подписывать соглашение по безопасности с США, которое предусматривало продолжение присутствия в стране американско-

го военного контингента. Столь «принципиальная» позиция — не более чем игра, направленная на то, чтобы сохранить незапятнанной свою репутацию для последующих политических игр. Что же касается троих лидеров нынешней президентской гонки, двух бывших министров иностранных дел Залмая Расула и Абдуллы Абдуллы, а также экс-министра финансов Ашрафа Гани Ахмадзая, то они уже выразили готовность подписать с США соглашение о «стратегическом партнерстве», предусматривающее дальнейшее пребывание на территории страны американского военного контингента.

Двое из них вышли во второй тур, и за каждым из этих кандидатов представляет собой влиятельную силу и олицетворяет хитросплетение афганских интриг. Абдулла Абдулла — сторонник исламской демократии, лидер оппозиционного движения «Национальная коалиция Афганистана». Его кандидатуру поддерживают крупнейшие политические партии страны, такие как Хазб-е Джамиат-е Ислами (Исламское общество Афганистана) и Хезб-е Ислами (Исламская партия Афганистана). На президентских выборах 2009 года он занял второе место, набрав 30,6% голосов. Но он — таджик, а это делает его фигуру неприемлемой для пуштунов.

В отличие от него, другой фаворит президентских выборов Ашраф Гани — пуштун. А кроме того, он доктор наук, известный ученый в области политологии и антропологии. С 2004 по 2008 гг. он возглавлял университет Кабула. В 2010 году американский журнал *Foreign Policy* внес его в свой ежегодный список мыслителей мирового масштаба (50-е место), а британский журнал *Prospect* отдал ему вторую позицию в аналогичном списке. Благодаря опыту работы во Всемирном банке и ряде североамериканских институтов Гани имеет тесные связи с Вашингтоном. Зарубежные и афганские масс-медиа пишут, что Гани — «любимчик Америки», и его победу на Западе встретили бы с большим воодушевлением.

О «позитивной дискуссии среди кандидатов и их сторонников в преддверии выборов» тоже говорить не приходится. Фактически не было никакой дискуссии. Три важнейших вопроса современного Афганистана — иностранное военное присутствие, диалог с Талибаном, и борьба с наркопроизводством, никто, разумеется, публично не обсуждал, поскольку консенсус в этих сферах между афганскими элитами, «внесистемной оппозицией» в виде талибов и Вашингтоном уже достигнут.

Во-первых, двустороннее соглашение о безопасности, обеспечивающее американцам дальнейшее военное присутствие в «сердце Азии», за которым вскоре последует подписание уже подготовленного соглашения о сотрудничестве Афганистана и НАТО, будет подписано новым президентом, вне зависимости от того, кто им станет. Так что никуда американцы из Афганистана уходить не собираются, никакого вывода не предвидится, уместнее говорить о трансформации контингента — с сокращением числа «официальных» военнослужащих увеличится число сотрудников частных военных компаний. Ни для Тегерана, ни для Москвы ничего хорошего это не означает, поскольку военное присутствие США — это гарантированный источник напряженности на границах Ирана и стран Центральной Азии, как бы ни убеждали нас в обратном некоторые «эксперты».

Во-вторых, сегодня на территории Афганистана сосредоточено две трети мирового производства героина. 75–80% в этом бизнесе принадлежит афганским элитам, во главе с Карзаем и назначенными им губернаторами.

И менять это положение никто ни в Кабуле, ни на Западе не собирается, что означает, вне зависимости от результатов президентских выборов, что Афганистан останется центром мирового производства опиатов и героина. А для России и Ирана эта опасность куда как реальнее и серьезнее, чем «страшилка» об экспансии талибов в Центральную Азию.

Тегеран и «афганский вопрос»

Ключ к безопасности Афганистана лежит не в имитации демократии, а в экономическом развитии страны, чем США никогда не занимались и заниматься не намерены. Тегеран сегодня внес, пожалуй, один из самых крупных вкладов в обеспечение безопасности и стабильности Афганистана, инвестируя в чисто экономические и социальные проекты этой страны миллиарды долларов. Во многом это делается не от хорошей жизни, поскольку Афганистан в его нынешнем состоянии — один сплошной вызов национальной безопасности Ирана. Принципиальное отличие иранского подхода к проблемам многострадального Афганистана от «западного проекта», навязанного Кабулу, кроется в том, что для США и НАТО эта страна — лишь поле, на котором разыгрывается очередная геополитическая партия Вашингтона. По большому счету, на «территории игры» может происходить все, что угодно, интересы «туземного населения» для Запада здесь особой роли не играют. Для Тегерана же необходимо именно благополучие и стабильность населения, которые, в свою очередь, станут залогом региональной стабильности и благополучия соседей Афганистана по региону.

Именно антииранская деятельность Талибана стала причиной того, что в 2001 году, в начале операции «Несокрушимая свобода», Иран оказал поддержку антиталибской коалиции. Но при этом открыто выразил свое несогласие с планами США по «строительству демократии по-американски» в Афганистане. Это обстоятельство не могло не вызвать раздражения Запада, поскольку тогда Иран оказался, по сути, единственной страной, требовавшей ограничения полномочий ISAF. Со временем правота иранских предостережений по поводу дальнейшего развития ситуации в Афганистане, правота, основанная на знании афганских реалий, полностью подтвердилась.

Афганистан стал центром наркотранзита в Иран, с территории страны американскими военными ведется разведка иранской территории, полтора миллиона беженцев и около двух миллионов мигрантов из Афганистана являются источником «головной боли» как для иранских правоохранительных органов, так и для органов социальной поддержки. Примечательно, что деятельность Тегерана по ликвидации последствий американского вмешательства в Афганистан тоже попала под санкционный режим, и еще в 2011–2012 годах США заблокировали средства, выделяемые Ирану международными организациями на борьбу с афганским наркотранзитом и на устройство беженцев. Любопытно, не правда ли?

В этих условиях Иран вынужден был самостоятельно осуществлять программу мирного строительства на территории Афганистана, опираясь при этом исключительно на собственные силы и на возможности шиитской общины страны. Вопреки прогнозам, вопреки клевете об «экспансии и распространении своего влияния», Тегеран добился гораздо больших успехов

в стабилизации отдельных районов Афганистана, чем международная коалиция. Причем, успешность Ирана в этом признают даже западные медиа. Влиятельное издание *World Politics Review* откровенно, пусть и с оговорками, констатирует: «Хотя в основе попыток расширить сферу влияния Ирана лежат его собственные интересы, они, тем не менее, способствовали появлению некоторой стабильности в Афганистане... Если ему удастся вновь интегрироваться в мировое сообщество, Иран сможет превратиться в гораздо более мощную силу, способную внести конструктивные изменения в ситуацию в своем регионе».

Дипломатической заслугой Ирана стал успех конференции 2005 года в Германии по будущему Афганистана. В Токио на конференции по финансовой помощи Афганистану Иран также был в ряду основных спонсоров экономического возрождения Афганистана. Тегеран предложил программу сотрудничества с Кабулом, включающую в себя государственную финансовую помощь в размере 500 миллионов долларов США, выплату зарплат кабульским учителям в течение 6 месяцев, проект автостреды Мешхед — Герат. Тегеран остается главным донором среднедушевого дохода в Афганистане, денежные переводы работающих в Иране афганцев составили, по данным 2010–2011 годов, 6% афганского ВВП. Иранские инвестиции, особенно в провинции Герат, позволили увеличить объем двусторонней торговли до 1,5 миллиарда долларов в 2010 году. Вместе с тем, экономические преференции от американского проекта «Новый шелковый путь» так и остаются на бумаге. А Иран уже объявил о том, что афганские экспортеры получают 90% скидку на портовые сборы, 50%-ю — на складские и право беспрепятственного транзита при использовании порта Чабахар на юге Ирана.

Региональная безопасность — дело рук государств региона

660 миллионов долларов чистой инвестиции — такова цифра, которую Иран за два минувших года вложил в создание инфраструктуры жизнеобеспечения, линий электроснабжения и подачи воды, только в одной из провинций Афганистана — Герате. И сегодня Иран является третьим по значимости торгово-экономическим партнером Афганистана, уступая лишь Китаю и Индии. Тегерану удалось сделать практически невозможное — часть афганских беженцев начала возвращаться в страну, поскольку на территориях, где работают иранские проекты, обеспечена стабильность и безопасность. Как известно, лидер талибов мулла Омар назначил своих «теневых губернаторов» в 32 афганских провинциях из 34-х. Две провинции без «теневиков» это как раз территории реализации «иранских проектов».

Эти показатели и цифры куда как убедительнее проектов «реконструкции Афганистана по-американски», из года в год обсуждаемых на всевозможных международных конференциях. Сегодня реальный вклад в мирное строительство и экономическое развитие страны вносят Китай, Индия, Иран, отчасти Россия, словом — члены ШОС. В Вашингтоне это вызывает откровенное раздражение, и при каждом удобном случае США стараются блокировать усилия этих стран, как это случилось после введения санкций против Ирана, прекративших поступление международных средств на борьбу с наркотиками и решение проблем беженцев. Или как это произошло

буквально на днях, когда НАТО отменила программу передачи афганцам российских транспортных вертолетов Ми-17 и заблокировала еще ряд программ по безопасности, в числе которых подготовка в РФ офицеров афганского и пакистанского наркоконтроля.

Совершенно очевидно, что ни Ирану, ни какой-либо другой стране создаваемую в Афганистане зону стабильности не удастся не только расширить, но и удержать. Финансовые и политические ресурсы Тегерана, которые он может выделить на «афганское направление», достаточно ограничены. Усилия Ирана по обеспечению безопасности на «афганском направлении» прямо противоречат интересам альянса США, НАТО и транснациональных корпораций, что делает ситуацию для иранской стороны заведомо проигрышной. Но «афганская зона стабильности» отвечает интересам не только Ирана, но и России. Стратегическое партнерство Москвы и Тегерана в «афганском вопросе», диалог России, Ирана, Индии и Китая (разумеется, с привлечением в качестве партнеров Пакистана и постсоветских государств Центральной Азии) может стать реальным ключом к внутриафганской, а следовательно и региональной стабильности.

Исходящие из Афганистана угрозы, если отбросить политическую трескотню и всевозможные «страшилки», по сути своей сводятся к двум проблемам: поток опиатов и отсутствие рабочих мест в самом Афганистане. Запад эти проблемы решать не только не намерен, но и заинтересован в их сохранении. Решить их можно исключительно на уровне регионального диалога, инициаторами которого должны стать Москва и Тегеран.

Проходящие президентские выборы в Афганистане показывают, что Вашингтон не намерен выпускать Кабул из-под плотной опеки, что процесс имитации «демократии» будет продолжаться и дальше, в ущерб реальным интересам региональной стабильности. Пока эта опека будет сохраняться, пока США будут отстранять региональные державы от участия в деле обеспечения региональной же безопасности, Афганистан будет оставаться главным источником нестабильности для всего региона, серьезной угрозой региональной и международной безопасности, реальной угрозой национальным и стратегическим интересам России и Ирана. Вне зависимости от того, сколько парламентских и президентских выборов пройдет в Кабуле.

Вячеслав Михайлов

Железная дорога Казахстан — Туркменистан — Иран

С появлением тренда на оздоровление отношений между Ираном и Западом заметно продвинулись многообещающие совместные экономические проекты с участием стран Центральной Азии. Строительство железной дороги Казахстан — Туркменистан — Иран вышло на финишную прямую. Об этом свидетельствуют заявления участников транспортного проекта. В феврале — марте текущего года представители двух центральноазиатских республик и Ирана выступили с позитивными оценками.

Последние работы на пока недостроенных участках железнодорожной магистрали займут до шести месяцев. Именно за это время туркменская сторона берется ввести в строй мост через пограничную с Ираном реку Этрек дабы соединить свой участок пути с железнодорожной сетью Исламской республики.

Сложная предыстория проекта

Настрой участников проекта на его скорейшее завершение вполне очевиден. Но, вместе с тем, предшествующий опыт прокладки сквозного железнодорожного сообщения между Ираном, Туркменистаном и Казахстаном диктует относиться к этому проекту со сдержанным оптимизмом. Реализация проекта длится с 2009 года, когда был дан старт строительным работам. Еще двумя годами ранее, в ходе второго Каспийского саммита в Тегеране 2007 года, было подписано трехстороннее межправительственное соглашение о строительстве железнодорожной линии.

За прошедшие годы произошло немало сбоев в строительстве магистрали. Вплоть до продолжительных этапов «заморозки» работ на отдельных участках. В том числе, сдерживающую для центральноазиатских партнеров Ирана роль сыграло и усиление режима санкций против Тегерана со стороны США и Запада. Астана и Ашхабад никогда не давали повода своим американским и европейским партнерам усомниться в том, что они не будут строить отношения с Ираном в ущерб связям с Западом. На чаше весов приоритеты Казахстана и Туркменистана в нефтегазовом блоке отношений с Западом перевешивал интерес получения доступа к новым транспорт-

ным артериям поставок своих товаров на внешние рынки. Но дело было не только в антииранских санкциях Запада и тесных связях казахстанской и туркменской сторон с транснациональными мировыми корпорациями. Невнятному сотрудничеству Тегерана, Ашхабада и Астаны вокруг реализации железнодорожной инициативы есть и более простые объяснения. По сути, для стран-участниц это стало первой серьезной проверкой на взаимодействие в рамках реализации крупного экономического проекта. Опыта совместной работы в затрагивающем интересы соседних государств проекте у них до этого фактически не было. Понимание конечных целей совместного предприятия, выгод от прокладки более короткого пути от казахстанской территории до иранских портов в Персидском заливе представлялось четко. Вместе с тем, то, что принято в наше время называть эффективным администрированием, зачастую давало системные сбои.

Первые сроки сдачи дороги в завершеном казахстано-туркмено-иранском виде планировались на конец 2011 года. Затем они были перенесены к декабрю 2012 года. Но и в пересмотренные временные рамки запуска сообщения стороны не уложились. Отклонение от сроков, которые были дважды обозначены Ашхабадом и оба раза не достигнуты, туркменская сторона сперва объясняла нерасторопностью зарубежных компаний-подрядчиков проекта. В свое время им было поручено строительство туркменского участка дороги (Берекет — Этрек). Осенью 2012 года туркменское правительство приняло решение отказаться от услуг иностранных компаний и своими силами продвинуть реализацию проекта. Не лишним будет также вспомнить, что в начале 2013 года президент Туркменистана произвел кадровые перестановки в кабинете министров республики по причине срыва графика строительных работ на туркменском участке железнодорожных путей. Тогда вина была возложена на высоких представителей местного правительства, курировавших сферу транспорта и связи.

Экономические перспективы запуска железнодорожного сообщения

Ныне самое важное вокруг доведения проекта до рабочего состояния — это наращивание темпов строительства на отстающих от графика участках. С завершением строительства и вводом магистрали в эксплуатацию бывшие разногласия и взаимные недопонимания уйдут в прошлое. Останется важная для целей региональной торговли и политического сближения транспортная артерия. По оценкам иранской стороны, на территории Исламской республики осталось построить участок, протяженностью всего 500 м. Общая длина иранского участка железной дороги составляет около 90 км. Он соединяет Инче-Барун на границе с Туркменистаном с Гомбеде-Кавусом и далее с Горганом, административным центром провинции Голестан.

От казахстанского Жанаозена до иранского Горгана (соответственно, начальная и конечная точки возводимой вдоль восточного побережья Каспия магистрали) пройдет одна из наиболее перспективных торговых коммуникаций. Транспортировка грузов по ней значительно снижает стоимость перевозок и экономит время на их осуществление. Вводимый в строй маршрут на 600 км короче, чем действующий путь Бейнау — Дашогуз — Туркменабат — Теджен — Серахс — Мешхед. Кстати, в обсуждениях вокруг железно-

дорожного проекта Жанаозен — Берекет — Горган все годы его небеспроблемной реализации наряду с южным маршрутом поставки казахстанских и туркменских товаров фигурировало и северное направление их выхода на внешние рынки — по российской территории на Европу.

Грузопоток по железной дороге планируется на уровне около 10 млн тонн ежегодного товарооборота. С учетом специфики перевозок грузов по железной дороге, приоритет отдается транспортировке продуктов переработки. В первую очередь, это зерно, которое будет поставляться иранским и другим ближневосточным потребителям. Иран является одним из крупнейших покупателей казахстанского зерна. В иранском порту Амирабад расположен зерновой терминал компании «КазАгро». С вводом железной дороги в эксплуатацию Астана планирует довести объем ежегодных поставок зерна на иранский рынок до 2–2,5 млн тонн. По прогнозам казахстанских экспертов, потенциал агропромышленного комплекса республики вызывает большой интерес и у Объединенных Арабских Эмиратов. Строительство железной дороги обеспечит выход казахстанского зерна и на арабские страны Персидского залива.

Большой интерес может представить транспортировка по железной дороге нефти и нефтепродуктов. Разговоры вокруг Большого российско-иранского нефтяного контракта в последнее время приняли предметный характер. Переговоры между Москвой и Тегераном в этом вопросе вышли на завершающую стадию. Пока сложно судить об их конечных параметрах, но уже сейчас очевидно, что поставки иранской нефти в северном направлении могут обрести новую привлекательность для партнеров с вводом в эксплуатацию железной дороги Жанаозен — Берекет — Горган. 500 тысяч баррелей в день, как усредненный объем предполагаемых поставок «черного золота» Ирана в Россию, в годовом исчислении составляет до 30 млн тонн. Нефтяная прибавка к общему грузопотоку будущей железнодорожной магистрали позволит увеличить объем перевозок. А значит сделать проект сверх привлекательным.

Запуск железнодорожного сообщения обещает значительные экономические выгоды и для Таджикистана и Кыргызстана, которые имеют свои совместные проекты с Ираном, дающие им перспективу выхода к Персидскому заливу. В этом и заключается ценность близящегося к завершению строительства железнодорожной магистрали, что она создает подстегивающий эффект для торговли соседних стран. А также стимулирует продвижение других параллельных транспортных проектов. В координатах «Север — Юг» лежит другая многообещающая для прикаспийских государств железнодорожная магистраль Казвин — Решт — Астара. Иранское правительство, наряду с восточнокаспийским железнодорожным маршрутом, рассматривает завершение работ на линии Казвин — Решт — Астара в приоритетном порядке.

Внешнеполитические выгоды проекта

Помимо экономических выгод, налицо и внешнеполитические дивиденды для стран, по территории которых в северном направлении пойдут цистерны с иранской нефтью. Здесь можно отметить востребованность подобных совместных начинаний для целей сближения позиций государств региона по каспийской повестке. Близится проведение Каспийского саммита, стра-

ной-хозяйкой которого в текущем году станет Россия. Работа по линии межмидовских согласований позиций прикаспийских государств к указанному саммиту продолжается. В помощь этой работе, которая, как можно понять из скупых официальных сводок с подготовительных заседаний прикаспийской «пятерки», идет с переменным успехом, важно подключить дополнительную мотивацию для сторон.

Может показаться, что уже озвученное Западом неприятие Большой российско-иранской нефтяной сделки негативно отразится на отношении Казахстана и Туркменистана к транзиту «черного золота» в северном направлении. Такого поворота в позиции Астаны и Ашхабада исключать нельзя, но его вероятность близка к нулю. Портить отношения с ближайшими соседями, крупнейшими торговыми партнерами и союзниками по военно-политическим блокам (Россия и Казахстан) две центральноазиатские республики скорее всего не будут. Ведь их миссия в Большом нефтяном российско-иранском контракте будет сведена к транзитной функции, и не более того. К примеру, статус Туркменистана в качестве нейтрального государства смотрелся бы в этом случае как нельзя кстати. Нефть, конечно, стратегический энергоресурс. Но приравнивать его, например, к поставкам вооружений и военной техники через территорию нейтрального государства, было бы абсолютно неадекватным.

Геополитическая вертикаль взаимодействия дружественных стран

Связка России с Ираном через Центральную Азию представляет значительный геополитический интерес. Ее усиление вдоль восточного побережья Каспия может создать предпосылки для сближения России, Казахстана, Туркменистана и Ирана на двух основных направлениях. Это решение вопросов в регионе Каспия исключительно силами стран самого региона, а также обеспечение стран Центральной Азии дополнительными выходами на внешние рынки. Центральноазиатские республики крайне заинтересованы в создании новой региональной транспортной системы. Последняя предоставляет Астане и Ашхабаду возможность преодолеть их изолированность от торговых морских путей. В свою очередь, Россия и Иран настроены на создание в регионе Каспия форматов поддержания безопасности исключительно силами прибрежных государств. Идея формирования на Каспии совместной военно-морской группы оперативного взаимодействия с условным названием КАСФОР остается все еще актуальной.

Проект тесно привязан к выстраиванию геополитической вертикали «Север — Юг». Укрепление межгосударственных связей вдоль данной вертикали отвечает интересам России и Ирана, но наталкивается на контрпроекты Запада, лежащие в другой системе геополитических координат. Запад продвигает «горизонтальные» проекты, связывающие Турцию и Восточную Европу с Южным Кавказом и Центральной Азией. В эту систему координат укладываются лоббируемые Западом проекты Южного газового коридора, Транскаспийского газопровода, продления железнодорожного сообщения Карс — Тбилиси — Баку до Туркменбаши и узбекского Навои. Строительство нового морского торгового порта в 65 км к югу от Баку (с планами к 2015 году переваливать через этот порт до 20 млн тонн грузов ежегодно), модернизация

казахстанского порта Актау на Каспии составляют конкретные звенья в цепи «горизонтального» подхода американцев и европейцев к продвижению своих интересов на Восток. Для России и Ирана важно не вступать в прямую конфронтацию с продавливаемыми Западом региональными проектами.

Важно также обратить внимание на приближающийся вывод контингентов стран НАТО из Афганистана. Обоснование многих транспортных проектов по линии Центральная Азия — Европа в предыдущие годы подгонялось под ожидание интенсивного грузопотока из Афганистана. С исчерпанием этого грузопотока предполагается использование транспортных коммуникаций в регионе в коммерческих целях. Но, например, у казахстанской стороны есть опасения, что с выводом натовских войск иссякнет и без того небольшой экспорт товаров и услуг центральноазиатских республик в Афганистан. Транзитный же потенциал направления Афганистан — Центральная Азия — Европа практически полностью зависит от поставок китайских товаров на европейские рынки.

В ходе реализации железнодорожного проекта Иран — Туркменистан — Казахстан высветилось множество проблем. Большая их часть к нынешнему этапу преодолена. До запуска составов по магистрали остались считанные месяцы. Задержка в реализации проекта, который изначально планировалось завершить не позднее 2011 года, имела свои позитивные стороны. Если дорога войдет в строй к концу 2014 года, то это совпадет с судьбоносными событиями в регионах Центральной Азии и Ближнего Востока. Помимо надвигающегося вывода войск НАТО из Афганистана, важную роль будет играть и результат от запущенного Ираном и Западом процесса оздоровления их отношений. Доведение нового транспортного коридора из Центральной Азии к Персидскому заливу до своего логического завершения самым серьезным образом усилит региональные и геополитические позиции непосредственных участников этого проекта.

Игорь Николаев

«Пакистанский» козырь в колоде Саудитов

Несколько лет назад мало кто обратил внимание на слова тогдашнего начальника штаба сухопутных войск Пакистана Ашрафа Кияни, который назвал Саудовскую Аравию «...самой важной страной для Пакистана». Сегодня верхушка Исламабада ведет активные переговоры с Эр-Риядом, который уже пообещал «братской стране» полтора миллиарда долларов безвозмездной помощи. По странному совпадению эти обещания совпали с началом обсуждения в Исламабаде вопроса о возможности отправки воинского контингента для оказания помощи Королевству в Бахрейне и Йемене.

Нынешний премьер Пакистана Наваз Шариф обязан Эр-Рияду жизнью. Да, именно так, без всяких преувеличений, поскольку именно вмешательство саудитов в 2001 году привело к тому, что смертный приговор, вынесенный Навазу Шарифу Верховным судом Пакистана за «государственную измену», был отменен, а самому «помилованному» Эр-Рияд предоставил политическое убежище. Впрочем, не на Шарифе секретное пакистано-саудовское сотрудничество началось, не на нем и закончится, поскольку в основе этого сотрудничества лежит самый надежный фундамент — кровь, власть и деньги.

Военно-политические контакты Исламабада и Эр-Рияда начали складываться еще в 60-е годы прошлого века, в 70-е именно благодаря пакистанским военным, оплату которых произвела Саудовская Аравия, королю Иордании удалось выбить из страны Организацию Освобождения Палестины Ясира Арафата, решившую свергнуть короля и создать в Иордании собственное государство. Именно в ходе тех событий была заложена «традиция» использования пакистанских наемников для нужд династии Саудитов. В 1967 году стартовала Двусторонняя программа сотрудничества между Вооруженными силами двух стран. В декабре 1982 года была учреждена Организация пакистано-саудовских вооруженных сил со штаб-квартирой в столице Королевства.

Но своего пика контакты между Исламабадом и Эр-Риядом достигли в противостоянии Советскому Союзу в Афганистане, когда Пакистан стал надежным тылом моджахедов, когда на каждый американский доллар помощи душманам приходились три, а то и пять долларов от саудитов и контролируемых ими фондов, когда смертную казнь преступникам в государствах Персидского залива заменяли отправкой в Пакистан, в лагеря подготовки «борцов за веру». В те самые лагеря «Пешаварской семерки» (коалиции афганских моджахедов), в которых преподавание тактической и огневой подготовки американскими инструкторами сменялось уроками саудовских проповедников.

Талибан, безусловно, детище американских и пакистанских спецслужб, но в его рождении саудиты принимали самое непосредственное участие, ссужая деньгами и оружием, а в особенности — поощряя антииранские и антишиитские действия талибов. И когда генерал Первез Мушарраф, возглавляв-

ший Пакистан в 1999—2008 годах, присоединился к антиталибской коалиции США, это было воспринято в Эр-Рияде как предательство идеалов совместной борьбы и повлекло за собою охлаждение в отношениях между Исламабадом и Эр-Риядом.

Пакистан в нынешнем саудовском пасьянсе

Агрессивность саудовской династии, проявления которой мы ежедневно наблюдаем в Бахрейне, Йемене, Чечне, Сирии и далее — везде, в мусульманском мире объясняется достаточно просто. На Большом Ближнем Востоке, огромном пространстве от Каира до Исламабада, образовался вакуум, когда старая система сдержек и противовесов, взаимной ненависти и взаимных интересов разрушены. И в условиях этого вакуума Эр-Рияд стремится к региональному лидерству, а точнее — к гегемонии, поскольку в противном случае династия обречена. Дом Саудов за историю своего существования накопил к себе столько ненависти как внутри Аравии, так и за ее пределами, что чуть пошатнись они сегодня — и их сметут, уничтожив и политически, и физически.

Тридцать пять лет назад Королевство находилось в аналогичной ситуации, казалось, что еще чуть-чуть — и династия рухнет. Тогда саудитов спасали американцы, французы, англичане, а там началась «афганская эпопея» и все силы «интернационального джихада» были направлены против СССР. Сегодня в Королевстве понимают, что о собственной безопасности надо заботиться самостоятельно. Но вот только как?

Тратя десятую часть ВВП на закупки оружия в совершенно безумных количествах, Эр-Рияд достиг того уровня, когда его запасы вооружений и боеприпасов избыточны и превышают все разумные потребности. Количество тех же танков в Саудовской Аравии превышает количество подготовленных для них экипажей из местных военнослужащих. Объяснение данному парадоксу предельно простое — во-первых, данное оружие представляет собой своего рода склад на тот случай, если Вашингтону срочно потребуются развернуть в Аравии дополнительные военные контингенты.

А во-вторых, данное вооружение предназначено для того, чтобы на нем воевали не сами саудиты, а нанятые ими воинские части других стран. Ясно, что это будут не союзники-соперники из Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива. Ясно, что это будут не египтяне или иорданцы. Ставку в собственной обороне саудиты делают на Пакистан. Общность религии, схожесть внешних вызовов (у Исламабада — Индия, у Эр-Рияда — Иран), полтора миллиона трудовых мигрантов из Пакистана, работающих в Королевстве — все это делает эти страны естественными союзниками. А в качестве закрепления союза — 70% саудовской нефти в общем пакистанском импорте энергоносителей.

Военное сотрудничество с 60-х годов прошлого века, совместная работа над пакистанской атомной бомбой, общие операции — Иордания, Афганистан, Талибан, сближает военную верхушку Исламабада и династию Саудитов в опасный альянс, в котором у одной стороны — неограниченные финансовые ресурсы, а у другой — вооруженная сила. Излишним будет напоминать, что этот альянс получит полное одобрение Вашингтона, поскольку и армейская верхушка Исламабада, и Эр-Рияд — всегда были проводниками интересов

США, а главное — именно на сотрудничестве с Вашингтоном сделали свой политический и финансовый капитал.

Кого побьет «пакистанский козырь»?

Уже упоминавшийся период охлаждения между двумя странами из-за позиции Первеза Мушаррафа в отношении вторжения международных сил во главе с США в Афганистан, при нем же, Мушаррафе, и закончился. Уже в 2004 году впервые были проведены совместные учения двух армий под названием «Острый меч», а в 2011 году были проведены переговоры между Исламабадом и Эр-Риядом на тему отправки пакистанских офицеров-отставников в Бахрейн и откомандирования специалистов межведомственной разведки (ISI) для укрепления сил безопасности Саудовской Аравии.

Тогда, в 2011, переговоры были свернуты, и вопросы перемещения личного состава пакистанских спецслужб и бывших военных решались, что называется, «в частном порядке». Саудитами были открыты три вербовочных пункта в Пешаваре, Исламабаде и Карачи, через которые и проходил небольшой поток «рекрутов». Но в нынешнем году все изменилось, и в первую очередь — в интенсивности контактов на уровне высшего руководства.

6—7 января Исламабад посетил министр иностранных дел КСА. 4–6 февраля Саудовскую Аравию посетил начальник штаба сухопутных войск Пакистана генерал Рахил Шариф, обсуждавший вопросы координации усилий в области безопасности и организацию и проведение учений «Острый меч-2014».

А через десять дней, с 15 по 17 февраля, в Пакистане побывал министр обороны Саудовской Аравии принц Салман Бен Абдель Азиз Аль-Сауд, который, по официальным сообщениям, обсуждал с руководством Пакистана пакетное соглашение по ВТС, включавшее в себя контракты на закупку у Исламабада военной техники и оборудования.

Сообщение об этом контракте ничего, кроме скептической улыбки тогда не вызвало, поскольку любому эксперту ясно, что имея неограниченный кредит у американского, французского и британского военно-промышленных комплексов, саудитам совершенно нет смысла приобретать что-то у Пакистана. Но вскоре стало известно, что главной темой обсуждения принца Салмана с пакистанскими военными были отнюдь не вопросы оружейных контрактов, а... ситуация в Сирии! Именно с заявления по сирийскому конфликту начиналось пакистано-саудовское коммюнике по итогам визита наследного принца-министра обороны КСА принца Салмана.

Особо в этой «сирийской части» коммюнике следует отметить пункты о необходимости:

- снятия осады сирийских городов и деревень, и прекращения воздушного и артиллерийского обстрела;
- создания безопасных коридоров и регионов для поставки продовольствия и гуманитарной помощи осажденным сирийским гражданам под международным контролем;
- формирования переходного руководящего органа с широкими полномочиями исполнительной власти, что позволит ему взять ответственность за ситуацию в стране.

Полное совпадение позиций Исламабада с одним из главных участников антисирийской коалиции — совершенно очевидно. И столь же очевидно, что сделанное в Исламабаде принцем Салманом заявление о готовности финансово участвовать в ряде военных проектов Пакистана, вроде модернизации реактивных истребителей JF-17 Thunder Jet Fighter совместного пакистано-китайского производства, — типично саудовская тактика «покупки» стратегических партнеров. Полтора миллиарда долларов помощи Пакистану — из той же серии, что и почти три миллиарда долларов на модернизацию вооруженных сил Ливана, за которые Бейрут должен оказать Эр-Рияду «небольшую услугу» — начать разоружение милиции Хизбаллы. Так и с Пакистаном. Спустя месяц после отъезда принца Салмана стало известно, что истинной темой переговоров стали соглашения об участии пакистанского контингента в «операции по поддержанию порядка в Бахрейне» и «антитеррористической операции в Йемене».

Данные договоренности представляют собой куда как более серьезную угрозу региональной стабильности, чем периодически возникающие слухи о «приобретении Эр-Риядом у Исламабада ядерного оружия». Как показывает ход событий, эти слухи служили своего рода «дымовой завесой», призванной скрыть реальные договоренности, на пороге которых находятся сейчас пакистанские военные и саудиты.

Складывающийся на наших глазах новый союз пакистанского генералитета и династии саудитов несет в себе реальные угрозы безопасности для всего региона, и, разумеется, для Тегерана. На днях иранский меджлис ратифицировал соглашение о сотрудничестве в области безопасности с Пакистаном, которое должно объединить усилия двух стран в борьбе с трансграничным терроризмом и контрабандой наркотиков. Этот трансграничный терроризм, проводником которого является базирующаяся в иранской провинции Систан и Белуджистан и приграничных районах соседнего Пакистана радикальная суннитская группировка «Джайш аль-Адль», прямая наследница печально известной организации Джундалла, существенно осложняет диалог Исламабада и Тегерана, затрудняет развитие двустороннего сотрудничества. Но вот что интересно — «Джайш аль-Адль» тесно связана с радикальными суннитскими группировками в самом Пакистане, в том числе и с Движением Талибан Пакистана (ДТП), в которые входят организации, финансирующиеся из государственных и негосударственных источников стран Персидского залива. В первую очередь — из Саудовской Аравии.

В сухом остатке получается, что ведя «партию» с пакистанскими военными, Эр-Рияд стремится сразу решить две задачи. Во-первых, обеспечить участие Исламабада в подавлении шиитских волнений в Бахрейне и Йемене, а там, глядишь, пакистанские инструкторы появятся и в рядах сирийских мятежников. Во-вторых, используя возможности пакистанского генералитета и спецслужб, создать очаг напряженности и на иранской границе, и в самом Пакистане, провоцируя суннито-шиитское противостояние. Так ложатся карты этого политического пасьянса, в котором вовремя вброшенный в игру «пакистанский козырь» кровью и насилием должен укрепить саудовский трон.

Николай Бобкин

Иран — Азербайджан: Сложные маневры Ильхама Алиева

Иранским руководством дрейфующий в сторону Запада Азербайджан рассматривается как потенциальный американский военный союзник. В Баку, похоже, не заметили того, что с приходом президента Роухани иранская дипломатия взяла курс на вывод страны из международной изоляции и нормализацию отношений с Западом и США в целом. В этих условиях у обеих стран появилась возможность скорректировать свои отношения, найти компромиссы в решении спорных вопросов. Баку мог бы сделать важные шаги для сближения с Тегераном, не рискуя встретить западное неодобрение. Насколько Азербайджан готов к пересмотру своей политики в отношении Ирана можно судить по итогам недавнего визита президента Ильхама Алиева в Тегеран.

По Карабаху сближения позиций сторон нет

Для Азербайджана самым важным вопросом в отношениях с Ираном остается позиция Тегерана по нагорно-карабахскому конфликту. Так уж складывается, что многое в политике Азербайджана направлено на решение вопроса о возвращении под свой контроль Нагорного Карабаха, а отношения с партнерами рассматриваются через призму «нагорно-карабахской проблемы». Есть ли перемены в иранской позиции по этой важнейшей региональной проблеме?

Иран готов расширять взаимное сотрудничество с Азербайджаном в различных областях, представляющих взаимный интерес, в том числе и по повестке региональной безопасности. О серьезности намерений Ирана в отношении Баку можно судить уже по тому, что президент Азербайджана был принят духовным лидером ИРИ аятоллой Хаменеи, прием у которого предусматривается далеко не для всех посещающих Тегеран глав государств. Эта встреча давала возможность открыть новую главу в отношениях двух стран, но ее итоги иранская и азербайджанская стороны оценили по-разному.

Согласно официальному сайту президента Азербайджана, духовный лидер ИРИ во время встречи с Алиевым якобы заявил, что «Иран выступает за решение карабахской проблемы в рамках территориальной целостности Азербайджана». На официальном сайте иранского духовного лидера нет информации о том, что аятолла Хаменеи обсуждал в ходе встречи проблему

Карабаха. В пресс-релизе внимание акцентировано на другом, весьма болезненном для Баку вопросе. Али Хаменеи подчеркнул то, что «некоторые силы, в том числе сионистский режим недовольны крепкими ирано-азербайджанскими отношениями и постоянно мешают процессу укрепления связей, однако серьезный подход и политическая воля смогут преодолеть эти препятствия». Об этом говорилось и два года назад, когда Азербайджан, игнорируя иранское соседство, подписал с Израилем крупнейшую в своей истории военно-техническую сделку беспрецедентной стоимостью в 1,6 млрд долларов. Направленность «политической воли» Ильхама Алиева с тех пор не претерпела коренных изменений, азербайджанский лидер продолжает курс на развитие военного сотрудничества с иранскими противниками.

Президент Роухани после встречи с Ильхам Алиевым, говоря о региональных конфликтах, в частности отметил: «Мы должны направить все свои усилия на справедливое решение региональных проблем, в том числе — нагорно-карабахского конфликта, в рамках международных норм. Географическое изменение границ в регионе, на наш взгляд, неприемлемо, следовательно, мы должны приложить усилия для того, чтобы существующие разногласия получили мирное и политическое решение». По мнению руководства ИРИ, военного решения у проблемы Нагорного Карабаха нет, а НАТО в одностороннем порядке помочь Баку в этом конфликте не сможет. У Баку нет никаких, даже малейших шансов переубедить Тегеран, а, тем более, привлечь иранцев на свою сторону в поддержке американской политики на Кавказе в плане ослабления влияния России.

НАТО Азербайджану не поможет

Сейчас Азербайджан проявляет интерес к укреплению военного сотрудничества с НАТО, якобы, для создания противовеса усилению военной мощи России на Каспии, а на самом деле пытаясь втянуть Брюссель в разрешение карабахского конфликта. В Тегеране не могли не отметить также и то, что вопросы укрепления военных связей были в центре внимания состоявшихся накануне в Баку переговоров турецкого премьера Эрдогана с президентом Алиевым. Как заявил тогда президент Азербайджана: «В этой сфере есть очень хорошие возможности, перспективы и результаты». Турция для Азербайджана — мостик, по которому дорога к членству в военном альянсе может быть намного короче. Втянуть Анкару в конфликт с Арменией на своей стороне остается желанной целью Баку, но Иран подыгрывать этому замыслу не станет. Для Тегерана категорически неприемлемо само азербайджанское стремление предоставить свою территорию для иностранных военных баз, и вообще у Ирана сам факт сотрудничества, тем более активного сотрудничества Азербайджана в военно-политической сфере с оппонентами Тегерана и особенно с «сионистским образованием» (так называют в Тегеране Израиль, т. к. до сих пор не признают само образование государства Израиль) вызывает серьезную тревогу и обеспокоенность.

Турция для Азербайджана — мостик, по которому дорога к членству в военном альянсе может быть намного короче

Считать, что Тегеран не прав, нет ни малейших оснований. Для Баку американцы на азербайджанской территории воспринимаются как желанные гости, для иранцев — как источник военной опасности. Действия США по отношению к Ирану определяются известным принципом «анаконды»: тотального окружения Ирана с последующим его удушением. Последние действия Америки на Украине еще раз показали неизменность американского агрессивного курса. Решительные действия Москвы по поддержке решения народа Крыма о возвращении в состав России в Тегеране поддержали. В российско-американской конфронтации Иран видит готовность Москвы противостоять гегемонии США, а поддерживаемые Баку планы расширения НАТО на Кавказ руководством ИРИ не могут оцениваться иначе как непосредственная угроза своему суверенитету. В перспективе Вашингтон считает, что Азербайджан будет вовлечен в блок НАТО. В этом контексте американцами Азербайджану отведена роль буферной зоны между Ираном и Россией. США являются архитектором милитаризации Каспия, главным образом, через Азербайджан. Американцы через НАТО хотели бы разделить Москву и Тегеран, блокировав стратегически важное и чрезвычайно чувствительное морское пространство Каспия.

Мечтания Баку о торговле иранским газом

В кризисе на Украине азербайджанцы усмотрели корыстный интерес и размечтались о роли крупного поставщика газа, обеспечивающего энергетическую безопасность Европы. Транзит газа из России в Европу находится под угрозой из-за его нехватки в подземных хранилищах Украины, а других источников необходимого объема топлива у Европы сейчас нет. Вместо иллюзорной холодной войны с Россией Европу ожидает вполне реальная и ощутимая миллионами европейцев холодная зима в осенне-зимний период 2014–2015 годов. Речь идет о рынке примерно в 50 млрд кубометров газа. Однако собственных газовых ресурсов у Азербайджана в сравнении с европейскими потребностями сущие крохи. В соседнем Иране, наоборот, почти треть всех мировых запасов газа, на который европейцы заглядываются давно. Азербайджан решил помочь Старому Свету и вознамерился предложить свои посреднические услуги.

Вероятность посредничества Баку в вопросе сближения Европы с Ираном рассматривалась накануне визита в качестве одной из приоритетных задач. Уже тогда напрашивался вывод о неадекватном восприятии руководством Азербайджана своего энергетического потенциала и международного авторитета. Разрешения на строительство газопровода из Ирана американцы не дают, Вашингтон продавил принятие Евросоюзом санкций, которые исключают импорт иранского голубого топлива. С этим вынуждена согласиться Европа в ущерб своему стратегическому стремлению выйти из энергетической зависимости от России. С этим смирилась Турция, особо заинтересованная в доходах от возможного транзита иранского газа. Что может сделать Азербайджан, какие реальные предложения по энергетическому сотрудничеству Баку в состоянии сделать Тегерану?

Для Азербайджана американцы могут позволить лишь попытаться подключить Иран к проекту Транскаспийского газопровода из Туркмении, который задуман США как альтернатива российско-турецкому проекту «Голубой по-

ток». Этот план берет начало с объявления Черноморско-Каспийского региона зоной стратегических интересов Америки. Возможность реализации данного проекта беспокоит не только Россию, но и Иран. Москва и Тегеран выступают против строительства газопровода по дну моря из-за высокой сейсмической нестабильности южной части Каспия.

Даже если этот аргумент не представляется убедительным для Баку, то есть обязательное условие: требуется согласие всех пяти прикаспийских государств. Россия и Иран не меняли своего негативного отношения к проекту и в ближайшее время менять не собираются. Азербайджан и в этом вопросе допускает принципиальную ошибку, пытаясь искать решение на стороне, а не за столом переговоров со своими прикаспийскими соседями. В последние годы к обсуждению правового статуса Каспия пытаются подключиться внерегиональные силы. Европейский союз выдал мандат Еврокомиссии на ведение переговоров по правовой базе проекта Транскаспийского газопровода с Азербайджаном и Туркменистаном. Глава МИД России Сергей Лавров в связи с этим отмечал, что «наши партнеры из ЕС буквально навязывают Азербайджану и Туркмении проект Транскаспийского газопровода, игнорируя, что такие вопросы должны решать прикаспийские государства, а не в Брюсселе».

Разговоры азербайджанского президента с Ираном о совместных поставках газа в Европу могут иметь лишь одну цель: угодить Западу готовностью к антироссийской солидарности, но в иранской повестке это совершенно неактуально. Азербайджан, несмотря на то, что особой выгоды от транзитных платежей туркменского газа не получит, сделал политический выбор в пользу США и Евросоюза, усиленно продвигающих этот проект. Баку готов даже закрыть глаза на ущерб его собственным экономическим интересам, ведь туркменский газ на рынке Турции усилит конкуренцию с азербайджанским газом. В спор о газопроводе вмешался и Китай, потребовавший от Туркмении отказаться от дальнейших переговоров с Баку и Брюсселем. Пекин вложил почти 10 млрд долларов в трубопровод, по которому газ из Туркмении пойдет в Китай. В итоге Ашхабад сделал крутой разворот от альянса с Баку и ЕС в пользу Пекина. Стало ясно, что туркменского газа для этой трубы уже не будет, а иранцы даже разговаривать на эту тему с Баку не стали, на Каспии с Азербайджаном у них есть более насущные темы.

Каспийский разлом в отношениях Баку и Тегерана

Разные позиции в урегулировании правового статуса Каспийского моря остаются одним из долговременных факторов нестабильности ирано-азербайджанских отношений. Спор идет о том, по какому принципу делить Каспийское море. Будучи внутренним водным бассейном, оно не подпадает под действие международных конвенций по морскому праву. Иран предлагает разделить Каспия на равные доли по 20% каждому из прикаспийских государств. Однако Азербайджан такой принцип категорически не устраивает.

Отметим, что острые противоречия на Каспии существуют у Азербайджана также и с Туркменией. Их предметом является спор по поводу принадлежности нескольких нефтегазовых месторождений, разработка которых с

1990-х гг. ведется консорциумом западных компаний и дает Азербайджану основной объем добычи нефти. По сути, Баку живет на не законных нефтяных долларах, так как в соответствии с нормами международного права любое изменение правового статуса Каспийского моря после распада СССР может приниматься только на основании консенсуса, то есть согласия всей пятёрки прикаспийских государств. До этого момента принятые ранее договоры между СССР и Ираном 1921 и 1940 годов остаются в силе, но на практике Азербайджаном грубо нарушаются. В этом заключается суть иранских претензий к Баку.

Тегеран считает, что все государства Каспийского бассейна тесно связаны механизмами экономической деятельности и обеспечения региональной безопасности. Ни одна страна не должна игнорировать эту общность. Отсутствие единства позиций «пятёрки» проявляется во многих сферах взаимодействия. Неудовлетворительны в целом результаты выполнения участниками каспийского диалога решений пяти президентов, принятых на последнем саммите в Баку в ноябре 2010 года. Напомним, что тогда лидеры всех пяти стран договорились подписать полноценное соглашение о статусе Каспийского моря в следующем (2011) году. Встреча президентов до сих пор не состоялась, согласовать документ не удалось. О проведении в Астрахани в 2014 году Четвёртого каспийского саммита уже объявлено, в этой связи можно было ожидать соответствующих консультаций в ходе визита Ильхама Алиева, но этого не произошло, поскольку Баку не был готов к обсуждению этих вопросов. По сути, Баку выгодно как можно дольше откладывать предметные переговоры и обходить острые углы, т.к. время идет, а нефть на спорных месторождениях и не совсем законным образом продолжает им добываться.

За последние два десятилетия отношения между Ираном и Азербайджаном испытали множество взлетов и падений. В последние годы, несмотря на общность истории, культуры и религии, называть эти отношения дружественными никак нельзя. Баку и Тегеран часто конфликтовали, предъявляли взаимные претензии, прибегали к дипломатическим демаршам с нотами протестов и отзывами послов. Публичные поводы для разногласий чаще всего были несущественными, раздражение в обеих столицах вызывали непринципиальные текущие моменты, но во взаимном недоверии всегда чувствовался явный геополитический контекст: стремление Баку к сближению с Западом в противовес Ирану. И по итогам визита Ильхама Алиева в Тегеран эта проблема не была решена.

Что касается России, то Москве выгодно, чтобы основные каспийские игроки нормализовали свои отношения. В этой связи визит Ильхама Алиева в Иран был воспринят в России позитивно. В Иране также не стали заострять внимание на отсутствии стратегических результатов, предпочли сделать акцент на достигнутых договоренностях в экономической и гуманитарной области. В Баку после визита склоны утверждать, что «отношение к большинству событий в регионе и в мире у них идентично» с Тегераном. Идентичность, правда, неубедительная, но плохой мир лучше доброй ссоры.

Треснувшая дубинка американских санкций

Крым и действия Москвы на Украине были оглушительной пощечиной Западу, до недавнего времени считавшему, что он может творить на постсоветском пространстве все, что ему заблагорассудится. А российско-иранский контракт «нефть в обмен на товары» стал «контрольным выстрелом в голову» тех, кто отчего-то решил, что Россия — больше не суверенная держава и на каждый свой шаг в отношениях с Тегераном должна испрашивать разрешения Вашингтона.

После появления сообщений о готовящемся российско-иранском контракте Белый дом впал в состояние неконтролируемой агрессивности. Сначала «танк Белого дома», заместитель госсекретаря Уэнди Шерман дала предупредительный залп, выступив с «предостережениями в адрес Москвы». А затем руки американского истеблишмента привычно потянулись к дубинке санкций, которой США привычно размахивают по всему миру добрые полсотни лет, делая это с таким азартом, что любой пещерный человек обзавидовался бы.

Еще в феврале Шерман с апломбом и категоричностью заявила, что «любые действия вроде такого соглашения между Россией и Ираном могут повлечь за собой санкции». Воинственному заместителю госсекретаря в российском МИДе тут же напомнили, что «мы (Россия — Iran.ru) не признаем односторонние санкции США и ЕС в отношении Ирана, поэтому при осуществлении торгово-экономического сотрудничества с Тегераном исходим исключительно из наших национальных интересов».

В Белом доме не успокоились и пошли на откровенный подлог, сообщив Конгрессу, что «в ближайшее время Россия не начнет покупать нефть из Ирана в обмен на товары, так как США предупредили Москву и Тегеран о возможных санкциях... Мы совершенно ясно говорим, что любые действия вроде такого соглашения между Россией и Ираном могут повлечь за собой санкции и создадут огромный риск, который существенно затруднит, если вообще не сорвет, достижение комплексного соглашения». И это заявление было дезавуировано российским МИДом. Ситуация, что называется «застыла»: Москва и Тегеран продолжали работу над контрактом, США были озабочены тем, что процесс ажиотажного спроса западного бизнеса на места во вновь открывающемся иранском рынке откровенно вышел из-под контроля.

И тут грянул украинский кризис, давший повод антироссийскому и антииранскому лобби в США вновь вернуться к вопросу о санкциях, причем на

новом, более жестком и широком уровне, связав в один клубок как «наказание» России за действия в Крыму, так и стремление угрозой санкций разорвать торгово-экономические отношения России и Ирана, поскольку «Большой контракт», о чем уже неоднократно писали на Iran.ru, вполне способен стать фундаментом стратегического партнерства.

Политико-экономическая импотенция

Вознамерившись сорвать российско-иранскую «нефтяную» сделку, администрация Обамы сначала пригрозила Москве санкциями, а потом с недоумением обнаружила, что в случае российской неуступчивости никаких таких серьезных санкций в отношении нашей страны, не рискуя при этом обвалить собственную финансовую систему, применить не сможет.

Россия сегодня — четвертый в мире держатель валютных активов и держит свои резервы в долларах США. И если раньше это рассматривалось по обе стороны океана исключительно как признак «российской зависимости», то сегодня выяснилось весьма неприятное обстоятельство — это, оказывается, еще и рычаг влияния России на США. Задумай Москва сегодня переводить свои активы в другие валюты, в юань или евро, то последствия для США будут более чем болезненны, чего Обама уж точно не простят.

Что же касается остальных возможных санкций со стороны США, то вопрос о них при ближайшем рассмотрении начинает приобретать некий иронический оттенок. Американская авиационная промышленность готова отказаться от российского титана? Или американские «Антаресы» теперь будут стартовать в космос без российских ракетных двигателей НК-33, поставки которых было решено возобновить на Совете безопасности РФ 19 февраля, когда о санкциях еще и разговора не шло? Приостановятся переговоры по ПРО и обычным вооружениям? Так там и без того все практически было заморожено. Введут визовые ограничения? 99% россиян этого даже и не заметят, поскольку поездки в США, благодаря униженной процедуре получения виз, никогда особой популярностью не пользовались.

Осознав это неприятное для себя обстоятельство, Вашингтон начал подстрекать к санкциям Европу, рассчитывая, что поскольку Евросоюз с Россией экономическими нитями связан более тесно, то уж Брюссель найдет, чем Москву уязвить. Но и здесь все оборачивается декларацией. Сейчас в воинственных заявлениях европейских политиков недостатка явно не ощущается. Но вот с реальными действиями наблюдается откровенный дефицит, и все оборачивается процессом родов горою мышей: ЕС пригрозило пересмотреть отношения с Россией, но на первых порах главы европейской дипломатии решили лишь приостановить переговоры о визовом режиме с Россией. А что еще остается? Не состоялся саммит G-8? Думаю, мир этого и не заметил. Будет отложено подписание нового базового Соглашения о партнерстве и сотрудничестве России и ЕС? Помилуйте, оно уже шесть лет откладывается по инициативе Брюсселя, и мы как-то живем без этого.

Россия сегодня — четвертый в мире держатель валютных активов и держит свои резервы в долларах США

Во внешней торговле ЕС Россия занимает третье место после США и Китая. По объему импорта товаров из ЕС в 2012 году Россия опередила США и вышла на второе место. Среди основных экспортных рынков Евросоюза Россия занимает четвертое место после США, Китая и Швейцарии. Какие могут быть серьезные санкции в таких условиях взаимозависимости и на фоне проблем европейской экономики?

Треснувшая дубинка и аргументы «с душком»

В истории с угрозами в адрес Тегерана и Москвы Вашингтон оказался заложником собственных иллюзий о том, что санкциями можно добиться реальных изменений внешней политики государства, руководство которого по тем или иным причинам становится «неудобным» для США. В условиях безраздельной гегемонии и монополярности мира в 90-х Вашингтону удалось навязать ООН концепцию о том, что «страдание населения будет приводить к давлению на правительство», и тем самым создать какое-никакое оправдание санкций в глазах международной общественности.

Но эта концепция экономического давления на правящий в той или иной стране режим страдает откровенным логическим провалом: если режим в том же Иране тоталитарный и там отсутствует демократия, то как иранцы могут влиять на руководство? А если в Иране все же присутствуют нормальные возможности для волеизъявления населения (что, собственно, и есть на самом деле), то тогда санкции являются калечащими не в отношении руководства, а бьют по иранскому народу, о котором так «печется» Вашингтон. Но кого интересует логика, если речь идет о патологической иранофобии?

Следуя в русле американского видения мироустройства и того, как нужно экспортировать демократию, то же международное сообщество, не возражая против ужесточения санкций в отношении Ирана, не удосужилось задать очевидные, казалось бы, вопросы: а помогли ли жесточайшие санкции США сменить Фиделя Кастро на Кубе? Сильно ли повлияли санкции на 33-летнее пребывание у власти в Зимбабве Роберта Мугабе, на котором вообще клейма ставить негде было? Не возник и самый главный вопрос — возможно ли нанесение серьезного ущерба санкциями экономике страны, которая пользуется устойчивым авторитетом в мире, руководство которой, чем больше и жестче санкции, становится еще ближе своему народу.

Эти вопросы — своеобразные «грабли», на которые Вашингтон уже наступал в отношении Тегерана, а теперь наступает в диалоге с Москвой. И делает это с упрямством, достойным лучшего применения. Мир стремительно меняется, и, такое впечатление, единственные, кто этого не замечают, — западные элиты, считающие что время диктата и угрозы санкциями будет продолжаться бесконечно.

Требования отказаться от контракта с Ираном, которые выдвигает американская сторона, — это, по сути, грубое нарушение российского суверенитета, о чем министр финансов России Антон Силуанов достаточно прямо сказал своему американскому коллеге, министру финансов Джеку Лью: «В данном случае мы действуем на основании решений ООН, которые определяют санкции, определяют товарные группы, по которым будут

эти санкции, и мы действуем в рамках решений, принятых международными организациями». По словам Антона Силуанова, в этой ситуации есть определенный, весьма существенный нюанс: «Наши американские партнеры принимали свое законодательство, которое несколько отличается от решений, принимаемых в рамках СБ ООН, и, по всей видимости, ставят его выше ООН».

«Стоит ли овчинка выделки»?

Выступая против российско-иранского контракта «нефть в обмен на товары», американская сторона выдвигает откровенно «подгнившие» аргументы, идущие вразрез и с российскими государственными интересами, и с нормами международного права. Но «лгать и запутывать» — это повседневная практика Белого дома, для нас же важнее всего понять, стоит ли российско-иранский контракт «подпорченных» отношений с США, которые, заметим, и без того теплотой не отличаются?

Понимание важности стратегического партнерства Москвы и Тегерана, пусть постепенно, пусть с трудом, но все же приходит к нашей политической элите. Сближение России и Ирана — это объективный процесс, отвечающий не просто нашим государственным интересам, но и способный ликвидировать часть угроз и вызовов, которые возникают для Москвы на Ближнем и Среднем Востоке. Этот процесс можно искусственно притормаживать, ставить ему «палки в колеса», чем, кстати, довольно успешно занималась и продолжает заниматься часть российской элиты, тесно связанная с Западом. Вот только остановить его нельзя, поскольку этот процесс переходит в практическую сферу и гармонично вписывается в курс создания «суверенной экономики» российского Президента.

Ведь что такое, по сути, российско-иранский контракт «нефть в обмен на товары»? Это 500 тысяч баррелей иранской нефти в день в течение двух—трех лет в обмен на поставки российского оборудования и товаров. При этом около 300 тыс. баррелей могут поставляться через Каспийское море, а остальные 200 тыс. — через порт Бендер-Аббас в Персидском заливе. «Цена вопроса», по самым скромным подсчетам — около 15–20 миллиардов долларов, часть которых пойдет в российскую промышленность и сельское хозяйство, ведь если сегодня российское зерно занимает от 10% до 20% иранского импорта (при общих объемах от 5 до 7 миллионах тонн в год), то в результате реализации «нефтяного контракта» Россия может занять половину иранского импорта зерна. Это — лишь по одной позиции, не говоря о притоке заказов в другие отрасли российской промышленности, от тяжелого и энергетического машиностроения до проектов участия РЖД в модернизации транспортной инфраструктуры Ирана.

Аргумент же о том, что иранская нефть собьет цены на нефть российскую, тоже критики не выдерживает. Очевидно, что в первую очередь Россия будет поставлять иранскую нефть в Восточную Азию, скорее всего в Китай. Летом прошлого года Роснефть и китайская CNPC заключили долгосрочные договоры на поставку нефти общим размером в 70 млрд долларов на условиях предоплаты. 20 млрд долларов предоплаты по данному контракту были перечислены в январе нынешнего года.

Соглашение предусматривает поставки нефти в объеме до 100 млн тонн в течение 10 лет, начиная с 2014 года. Если в 2005 году Китай импортировал 2,5 млн баррелей нефти в день, то в 2020 году эта цифра будет составлять 9,2 млн баррелей в день. По оценке консалтинговой компании Wood Mackenzie, торговля энергоресурсами между Китаем и Россией к 2025 году вырастет в четыре раза, и здесь мощностей месторождений Восточной Сибири будет недостаточно, и «замещающие объемы» иранской нефти придутся как нельзя кстати, формируя экономический фундамент оси Москва — Тегеран — Пекин.

Большой российско-иранский нефтяной контракт — это не только прямая помощь Ирану, поддержка дружественного государства, помимо всего прочего разделяющего позицию России по Сирии, Афганистану, Ираку, Каспию и по вопросам региональной безопасности. Это — еще и работа на стратегическую перспективу, итогом которой станет ограничение американской гегемонии, вседозволенности и первобытной «стратегии силы» в международных отношениях. Право же, ради такой цели можно проигнорировать истерику Вашингтона. Тем более, что дубинка санкций, которой он привык размахивать, откровенно «с изъяном». Столкнувшись с твердой позицией страны, отстаивающей собственные интересы, эта американская дубинка оборачивается сгнившей оглоблей: выглядит устрашающе, но внутри — труха.

Вячеслав Михайлов

Россия — Иран: Перспективы военно-технического сотрудничества

В российско-иранских отношениях назрела необходимость пересмотра уровня и качества военно-технического сотрудничества (ВТС). Объем общего товарооборота между двумя государствами по итогам прошлого года достиг исторического минимума — 1.4 млрд долларов. В политической сфере отношения между двумя странами вполне хорошие, но для развития торгово-экономических связей и ВТС стороны достигли такого состояния, что не хватает только импульса. И таким импульсом может стать возможная поездка в этом году Владимира Путина в Тегеран. Для того, чтобы визит стал успешным, прежде нужно снять все существующие препоны и барьеры, создать предпосылки для прорывных решений. В числе существующих проблем в российско-иранских отношениях особое место занимает контракт по поставкам в Иран российских систем С-300, действие которого было самым грубым образом прервано руководством России осенью 2010 года.

Протокол с жуткими последствиями

Россия и Иран имеют огромный потенциал наращивания связей не только по линии ВТС. Стали заметны подвижки в вопросах строительства «Росатомом» новых АЭС в этой стране. Есть также первые наработки для возвращения на иранский нефтегазовый рынок отечественных корпораций. Но с развитием связей по линии ВТС связаны особые надежды: они могут вывести российско-иранские отношения на принципиально новый уровень практически по все направлениям.

Немного истории. Начиная с 1990-х годов Россия и Иран столкнулись с серьезными барьерами на пути развития отношений во военно-технической сфере. По большей части эти препятствия были обусловлены внешними факторами. Еще в бытность СССР между Москвой и Тегераном были подписаны крупные соглашения о военных поставках. В советско-иранской декларации от 5 ноября 1989 года СССР выразил согласие «сотрудничать с иранской стороной в деле укрепления ее обороноспособности».

Последующие годы выразились в значительном по объему и содержанию военно-техническом сотрудничестве Москвы и Тегерана. По соглашению

от 13 ноября 1991 года предусматривались передача лицензии и оказание технического содействия в организации производства в Иране 1 тыс. танков Т-72С и 1,5 тыс. боевых машин пехоты БМП-2, а также боеприпасов к ним на общую сумму \$2,2 млрд. В рамках этого контракта российская сторона, как правопреемница международных договоров СССР, осуществила постройку в иранском Доруде завода по лицензионному производству танков Т-72С, в Тегеране — завода по лицензионному производству БМП-2. В ходе реализации соглашения в 1993 году в Иран с «Уралвагонзавода» было поставлено 100 танков Т-72С, в 1994 году — 20 танков, в 1996-м — еще две машины. Сфера двустороннего ВТС охватила не только наземные виды вооружений и военной техники. В 1994 году Казанский вертолетный завод поставил в Иран 12 машин «Ми-17».

США и их ближневосточные союзники изначально заняли резко отрицательную позицию к продаже Россией оружия в Иран. В мае 1995 года в Москве Борис Ельцин на встрече с президентом США Биллом Клинтон уступил американскому давлению, взяв обязательство досрочно, до конца 1999 года, завершить выполнение перед Ираном всех ранее подписанных военных контрактов. При этом российская сторона решила поставки по этим соглашениям более не производить и обязывалась впредь не заключать никаких новых соглашений военного характера с Тегераном. Официальным двусторонним оформлением этих договоренностей стала вначале секретная, а затем преданная огласке, Памятная записка («Протокол») от 30 июня 1995 года. Под документом стояли подписи председателя правительства РФ Виктора Черномырдина и вице-президента США Альберта Гора.

Это был настоящий удар ниже пояса. Ущерб от этого соглашения составил миллиарды долларов, а в виде упущенной выгоды — десятки миллиардов долларов. Мы сейчас не говорим об ударе по имиджу и репутации страны, по ее статусу надежного и самостоятельного партнера, и игрока в этой сфере и т.д. С приходом в Кремль Владимира Путина российская сторона решила отказаться от предыдущих соглашений с американцами. 3 ноября 2000 года Москва уведомила Вашингтон о своем выходе из «протокола Гор — Черномырдин». Военные эксперты констатируют фактический провал российского оборонного экспорта на иранском направлении и после отмены «протокола Гор — Черномырдин». Общая сумма заключенных с Ираном контрактов на отрезке 2000–2005 годов составила не более \$300–\$400 млн. Причем едва ли не бульшая их часть приходилась на вертолетную технику двойного назначения. И это все после многомиллиардных контрактов с иранской стороной в начале 1990-х годов?!

Ситуация вокруг С-300: еще одно испытание для отношений России и Ирана

Было бы большим упрощением объяснять сложности в сфере российско-иранского ВТС одними происками американской и израильской дипломатии. Имеется значительный внутренний пласт проблематики в этой сфере, который до сих пор оказывает свое деструктивное влияние. Прежде всего, это продолжающаяся зависимость российского оборонно-промышленного комплекса (ОПК) от разработок продукции военного назначения западных компаний. Отечественный ОПК пока не может обойтись, к примеру, без

так называемой электронной «начинки» вооружений и военной техники по целому ряду оружейной номенклатуры. Но там, где российская «оборонка» достигла успехов в производстве военной продукции по «замкнутому циклу», то есть без привлечения технологий и подрядчиков Запада, американцы и израильтяне норовят вставить «палки в колеса» российско-иранскому ВТС. Наиболее зримо это проявилось в истории вокруг свернутого Москвой в сентябре 2010 года контракта по поставке Ирану пяти дивизионов систем С-300 ПМУ-1. Сумма контракта, заключенного в 2007 году, составляла около \$800 млн. Важно отметить, что производство систем С-300 было налажено российским ОПК на принципах «замкнутого цикла».

После невыполнения своих обязательств перед Ираном образ надежного партнера был сильно подмочен. Перспектива судебных тяжб с Ираном в международном арбитраже, куда иранцы обратились с внушительным иском (требование о выплате неустойки в размере \$4,2 млрд) за сорванный контракт, подчеркивала упадок в отношениях двух естественных партнеров.

Выход из создавшейся ситуации вокруг сделки по С-300 пока до сих пор ясен. Иранская сторона объяснила обращение в судебные инстанции помимо прочего тем, что это может помочь Москве преодолеть последние сомнения вокруг попадания или непадания систем С-300 под санкционный запрет ООН. В Тегеране мотивировали свою настойчивость в доведении дела до арбитражного разбирательства тем, что решение суда «помогло бы России осуществить эти поставки», и иск подан, чтобы «у России был политический козырь» (заявления посла Ирана в России Махмуда Резы Саджади от 24 августа 2011 года).

Тегеран настаивает на выполнении контракта

Как известно, главной основой решения России о свертывании контракта 2007 года служила резолюция Совета Безопасности ООН, принятая 9 июня 2010 года. На базе этой резолюции 22 сентября 2010 года президентом России был подписан Указ «О мерах по выполнению резолюции Совета Безопасности ООН 1929 от 9 июня 2010 г.». Споры о попадании или нет оборонительных по своей сути систем С-300 под запрет указанной резолюции СБ ООН продолжаются до сих пор. Очевидно, что осенью 2010 года Кремль принял политически мотивированное решение. Опасения США и Израиля, к мнению которых на тот момент российское руководство предпочитало прислушиваться в более приоритетном порядке, чем к позиции Ирана, были связаны с самим фактом поставок С-300 Ирану. А как иначе объяснить, например, то, что спустя считанные месяцы после указа президента России из Москвы в Тегеран было направлено предложение о поставке других систем борьбы с воздушными целями. Москва выразила готовность поставить Ирану дополнительное количество зенитно-ракетных систем (ЗРС) «Тор-М1Э», причем в максимально сжатые сроки. Иран в 2011 году получил последние из 29 батарей данной системы по контракту 2005 года. В числе плюсов этого предложения был тот факт, что иранские военные уже успели пройти курсы обучения и ЗРС «Тор-М1Э» им хорошо знакомы.

Но иранская сторона считала данное предложение далеким от удовлетворения своих претензий в связи с неполучением С-300. Системы «Тор-М1Э» и С-300 ПМУ-1 являются оборонительными. Отличие лишь в даль-

ности поражения целей. Тогда возникает резонный вопрос. Почему одна оборонительная система якобы подпадает под запрет резолюции СБ ООН, а другая — вне зоны действия данного запрета? Ответ следует искать во внешнеполитической плоскости. Дело в том, что С-300 стал определенным «брендом», указывающим, что с его обладателем разговор на «повышенных военных тонах» чреват самыми опасными для агрессора последствиями. Российские военные эксперты в связи с этим указывают на сдерживающую репутацию С-300: ни у Слободана Милошевича, ни у Саддама Хусейна, ни у Муаммара Каддафи этих систем не было, потому авиация НАТО внесла решающий вклад в сокрушение их режимов.

В рамках той же политики России на поставку Ирану строго оборонительных вооружений следует рассматривать реализованный осенью 2011 года контракт по средствам радиоэлектронной борьбы (РЭБ) типа «Автобаза». Последние были поставлены иранской стороне без каких-либо сбоев по срокам и содержанию исполнения двустороннего контракта. После отклонения заявки по «Тор-М1Э», с российской стороны в адрес иранцев поступило другое предложение: поставка близких С-300 по своим тактико-техническим характеристикам ЗРС С-300ВМ «Антей-2500». Как можно понять из реакции иранской стороны, данное предложение Москвы было оценено на порядок серьезнее, чем предыдущий вариант урегулирования спора дополнительными ЗРС «Тор-М1Э». Но и это не сняло все претензии Тегерана. Там настаивают на реанимации контракта 2007 года, после чего можно будет говорить о новых перспективах всего комплекса российско-иранских связей в сфере ВТС.

Стороны активизировали контакты

В феврале 2012 года состоялась встреча между курирующим отечественный ОПК вице-премьером России Дмитрием Рогозиным и послом Ирана в Москве Махмудом Резой Саджади. По итогам встречи иранский дипломат заявил о достигнутом сторонами согласии восстановить военно-техническое сотрудничество между Ираном и Россией в рамках международного законодательства.

Осенью 2013 года Россия и Иран предприняли очередную попытку найти взаимоприемлемые решения. В октябре Иран посетил главком ВВС РФ Виктор Бондарев. Повестка переговоров оказалась весьма насыщенной: сотрудничество в обучении военных летчиков, техническом обслуживании боевой техники ВВС, ракетных и радарных систем ПВО советского/российского производства. Стороны также коснулись вопроса восстановления связей по линии ВТС в полном объеме, затронули тему поставок в Иран российских ЗРС дальнего радиуса действия. Результаты проведенных встреч по понятным причинам не могли быть представлены общественности в развернутом виде. Но и то, что попало в поле зрения экспертов, выглядит весьма многообещающим. Один лишь факт обращения сторон к предметному диалогу по восстановлению военно-технических связей, нахождению развязок вокруг контракта по С-300, вселяет оптимизм.

В марте текущего года прошла встреча вице-премьера Дмитрия Рогозина с вновь назначенным послом Ирана в Москве Мехди Санаи. В ходе встречи иранский дипломат, в частности, назвал весьма важными слова президента России о том, что отношения двух стран вошли в новую фазу.

Иран опирается на свои разработки, но и от сотрудничества не отказывается

При всех складывающихся позитивных предпосылках для продвижения российско-иранского ВТС необходимо понимать следующее. Иран уже не тот, каким он был в начале и середине 1990-х годов. То есть в тот период, когда Исламская республика еще связывала большие надежды на тесные военно-технические связи с зарубежными партнерами в качестве основного пути пополнения и модернизации имеющихся оружейных арсеналов. Санкции Запада нанесли более чем чувствительный урон иранской экономике. Но в них есть и остается важнейший позитивный элемент — с ростом санкций в Иране крепло осознание необходимости создания собственной оборонно-промышленной отрасли, с исключительной опорой на свои ресурсы. Развитие иранского ОПК потянуло за собой многие смежные отрасли местной промышленной индустрии. Наряду с принципиальным решением развивать атомную отрасль энергетики создание сильной оборонной промышленности стало для иранцев стимулом показать всю контрпродуктивность санкций Запада. А также создать технологический задел на будущее.

Иран — это не Саудовская Аравия, сделавшая исключительную ставку на покупку самого современного вооружения и военной техники. Иран выбрал качество, а не количество в военно-технической сфере. Лучше добиться самостоятельных успехов в производстве не самой совершенной военной техники, чем скупать самое современное оружие без малейшей попытки наладить собственное производство хотя бы легкого стрелкового оружия.

С начала 2000-х годов иранское руководство поставило задачу повысить научно-технический потенциал страны, направив часть усилий в область военных разработок, развитие оборонной промышленности, создания новых образцов оружия для всех видов вооруженных сил. За последние годы Ирану есть что занести в свой актив. Появились собственные разработки военно-воздушной и военно-морской техники, высокотехнологичных средств ведения боевых действий (беспилотные летательные аппараты, баллистические ракеты). Вместе с тем, по некоторым видам вооружений и военной техники Иран не отказывается от сотрудничества с зарубежными партнерами. Вплоть до закупок той оборонной продукции, самостоятельная наладка производства которой не представляется осуществимой в ближайшей перспективе. К такой продукции можно с уверенностью отнести системы противовоздушной и противоракетной обороны дальнего радиуса действия. В Тегеране готовы использовать передовые технологии тех стран, которые являются признанными лидерами в производстве конкурентоспособной продукции военного назначения.

Будущее — за тесным ВТС между двумя странами

Развивающий свой ОПК Иран должен стать для России партнером, а не безмолвным заказчиком продукции военного назначения. Если, например, Турция, с ее огромной зависимостью от поставок оружия с внешних рынков, претендует на совместное с Россией и другими зарубежными партнерами освоение производства военной продукции, то почему Иран должен быть менее требовательным? Есть версия, что Турция отклонила предло-

женные Россией системы С-300 осенью прошлого года в виду отказа Россией передачи технологий производства этого оружия. На самом деле, с какой стати Россия должна делиться своими технологиями «замкнутого цикла» со страной НАТО?! Если уж России и вступать с кем-либо (вне стран-членов ОДКБ) в тесную военно-техническую кооперацию в плане передачи технологий (не обязательно именно по С-300), то кандидатура Ирана и по геополитическим соображениям, и по логике и справедливости должна рассматриваться в приоритетном порядке.

Россия может оказать Ирану военно-техническое содействие не только в поставке средств борьбы с воздушными целями. По факту Иран становится морской державой на пересечении стратегических торговых путей в Мировом океане. Цели борьбы с международным пиратством, обеспечения безопасности судоходства требуют от Тегерана каждодневных усилий в создании сильного военно-морского флота. Залив называется «Персидским», но там хозяйничают американцы с своим огромным 5-м флотом. Показать каждому его истинное место и умерить пыл особо горячих голов в Белом доме, Конгрессе и Пентагоне иранцы намерены, в том числе, и с помощью своих военно-морских сил

По факту Иран становится морской державой на пересечении стратегических торговых путей в Мировом океане

В этой связи уместно вновь вспомнить первую половину 1990-х годов, когда Россия и Иран развернули интенсивное оружейное сотрудничество. До 1996 года Россия передала иранской стороне три дизель-электрические подводные лодки проекта 877ЭКМ «Кило». Соответствующий контракт предусматривал постройку на российских судостроительных заводах еще четырех подлодок для Ирана. Но снова в дело вмешался печально известный протокол «Гор — Черномырдин». Планы сотрудничества по подводным лодкам носили широкий характер, не ограничивались лишь поставкой субмарин Ирану. Предусматривалось оказание технического содействия иранской стороне в создании и дооборудовании в Бендер-Аббасе шести объектов берегового базирования подлодок с поставкой спецмущества. Общая плановая стоимость контрактов по подлодкам оценивалась в \$1,6 млрд. В результате все ограничилось скромной поставкой трех подлодок класса «Кило».

В начале 2014 года эскадра Исламской республики вышла в военный поход в международные воды. Субмарина Yunes (одна из трех подлодок класса «Кило» на вооружении Ирана) составляла ударную мощь этой группировки, до сих пор заставляющую считать с ней сверхсовременный 5-й флот США. В Иране налажено производство подлодок Ghadir, но их использование ограничено водами Персидского залива и прилегающими к нему акваториями (это сверхмалые аппараты для проведения разведывательных операций и нанесения скрытных ударов по надводным целям противника). 2300-тонные же подлодки класса «Кило» обладают достаточным радиусом действия для патрулирования всего Индийского океана (от Южной Африки до Австралии). Прорыв в российско-иранском ВТС следует готовить и на военно-морском направлении оружейной кооперации. Уже сейчас можно строить смелые планы усиления Ираном своего флота подлодками с ядерными энергетическими установками. А кто, как ни Россия может оказать в этом помощь соседу.

Развитие связей России и Ирана по линии ВТС выведет весь комплекс двусторонних отношений на новый уровень. Иран не состоит в региональных системах коллективной безопасности, является принципиальным сторонником решения всех проблем исключительно силами региональных государств. Внеблоковый статус Ирана, его настрой на двустороннее развитие отношений с зарубежными партнерами создают благоприятную почву для налаживания тесной оружейной кооперации Москвы и Тегерана. Интересные возможности для двух стран могут появиться, например, в случае создания на иранской территории сертифицированных центров и совместных предприятий по ремонту и техническому обслуживанию вооружений и военной техники советского-российского производства.

Сотрудничество России и Иран в военно-технической сфере за последние 25 лет подверглось серьезным испытаниям. Были периоды, когда весь нарабатанный ранее тяжелыми усилиями потенциал ставился под вопрос. Причем делалось это из-за учета интересов Запада и его союзников на Ближнем Востоке. Причем иногда это доходило до полного абсурда. Ведь, если честно, то до сих пор не поддается вразумительному объяснению, то, каким образом, например, поставка Россией Ирану оборонительных систем С-300 могла нарушить безопасность некоторых ближневосточных режимов?

Сергей Маркедонов

Иран-Азербайджан: новая перезагрузка?

На фоне стремительно развивающегося украинского кризиса визит азербайджанского президента Ильхама Алиева в Тегеран (он состоялся 9 апреля 2014 года) остался не слишком заметным. Лидер Азербайджана провел встречу с Верховным руководителем (Рахбаром) Ирана Али Хаменеи. Вместе со своим иранским коллегой Хасаном Роухани (в исламской республике президентский пост при всей условности аналогий сопоставим с позицией главы правительства, так как высшая власть сосредоточена в руках Верховного руководителя) Алиев сделал совместное заявление для СМИ. Апрельская поездка стала третьим официальным визитом азербайджанского лидера в Иран. Каков был смысл и каково значение этого вояжа за рамками протокольных заявлений о дружбе, братстве и готовности к развитию двустороннего сотрудничества?

Президенты Ирана и Азербайджана помимо межгосударственных отношений пытаются выстроить собственные персональные контакты. Хасан Роухани занял президентский пост менее года назад. 15 июня 2013 года он выиграл в первом туре президентских выборов. Тогда его победа рассматривалась многими, как шанс на изменение внешней политики официального Тегерана. Речь, конечно же, шла не о кардинальных переменах (в особенности с учетом особенностей иранской системы власти), но о снижении конфронтационной риторики, характерной для предшественника Роухани Махмуда Ахмадинежада (был президентом с августа 2005 по август 2013 годов) и усилении прагматических элементов в диалоге между Ираном и Западом. И, возможно, на деэскалацию противостояния между Исламской республикой и Израилем.

Внешнеполитические приоритеты Ирана обращены, в первую очередь, к Персидскому заливу. Однако на Кавказе у Исламской республики также имеются значительные интересы. Иран имеет 660 километров границы с Арменией и Азербайджаном. Для сравнения: турецко-армянская граница (пока еще закрытая) составляет 325 километров, турецко-грузинская — 267, а турецко-азербайджанская всего 18 километров. Кстати сказать, в период двух legislatures предшественника ныне действующего президента официальный Тегеран не раз демонстрировал свою озабоченность положением дел в Закавказье. Какие же проблемы можно рассматривать, как наиболее важные приоритеты для Тегерана?

По словам профессора Сейеда Джавада Мири, «Иран абсолютно убежден, что проблемы Кавказа могут быть решены только самими странами региона, а присутствие нерегиональных игроков, таких, как Великобритания, Китай, США или Израиль только ухудшает ситуацию». Отсюда и крайне негативное отношение Исламской республики к любым попыткам интернационализации Кавказа под различными предложениями. Официальный Тегеран не раз заявлял о том, что не видит «базовые принципы» нагорно-карабахского урегулирования, предложенные тремя сопредседателями Минской группы ОБСЕ (США, Россия и Франция) в качестве основы для разрешения нагорно-карабахского конфликта. Ни одна страна, кроме Ирана не заявляла о наличии у нее альтернативного решения. И хотя публично иранская альтернатива до сих пор не явлена миру, по совокупности прямых и косвенных доказательств можно следующий вывод. Исламскую Республику не устраивает международная миротворческая операция непосредственно у ее границ (а она имеет выход не только на Армению и Азербайджан, но и на рубежи непризнанной НКР).

Помимо этого Тегеран рассматривает многие проблемы Кавказа как продолжение ближневосточной игры. Отсюда и трения между Ираном и кавказскими странами по вопросу о развитии отношений с Еврейским государством. В особенности это касается кооперации между Азербайджаном и Израилем. Но в Закавказье Иран, несмотря на присущую ему революци-

Исламскую Республику не устраивает международная миротворческая операция непосредственно у ее границ

онную риторику, стремится к сохранению статус-кво. Так, имея жесткие противоречия с США и Израилем, и будучи заинтересованным в кооперации с Россией, Тегеран в то же время не пошел по пути признания Абхазии и Южной Осетии.

В этом контексте после смены президента Ирана у Баку имелись смешанные ожидания, предопределенные всей предшествующей противоречивой динамикой двусторонних отношений. По справедливому замечанию старшего научного сотрудника Кавказских исследований в Тегеранском университете Хамеда Каземзаде, «отношения между Ираном и Азербайджанской Республикой всегда имели различные параметры». С одной стороны две страны связывает общая история, вера (Иран — шиитская страна, а порядка 65% азербайджанцев — приверженцы этого направления ислама). С другой стороны, соседние страны разделяли значительные противоречия и фобии. Если говорить об азербайджанской стороне, то Баку всегда беспокоило идеологическое воздействие Ирана и опасения относительно устремлений Исламской республики изменить светский характер государственности независимого Азербайджана. На многочисленных конференциях эксперты из прикаспийской республики неизменно подчеркивают, что «Верховный руководитель» Ирана рассматривает себя не только в качестве лидера своей страны, но и в качестве покровителя шиитов за пределами иранских границ, включая и граждан Азербайджана. Отсюда порой скрываемая, а порой и не очень утаиваемая обеспокоенность по поводу проповедников, образовательных программ из Ирана.

Если же говорить о Тегеране, то главными вызовами для него были (и остаются) военно-техническая и энергетическая кооперация Баку с Западом и

Израилем. Так, еще до ввода в строй политического трубопровода Баку-Тбилиси-Джейхан Израиль стал вторым (после Италии) покупателем азербайджанской нефти. По справедливому замечанию российского политолога Ивана Данилина, «стоит особо отметить, что порт Джейхан... расположен сравнительно недалеко от Хайфы, крупного израильского порта с нефтеналивным терминалом». Начало 2012 года было омрачено серией шпионских скандалов, а также жесткой взаимной риторикой Тегерана и Баку. Азербайджанские спецслужбы арестовали несколько групп, подозреваемых в подготовке террористических атак и шпионской деятельности в пользу Ирана. Затем Баку обнародовал информацию о сети из 22-х иранских агентов, подготовленных Корпусом стражей Исламской революции.

В свою очередь представители Тегерана в феврале 2012 года потребовали от Баку прекратить провокационную деятельность израильских спецслужб против Ирана на азербайджанской территории. Практически синхронно с развитием этого сюжета стало известно о договоренностях между Баку и Тель-Авивом о покупке азербайджанской стороной партии беспилотных летательных аппаратов, а также систем противовоздушной обороны на общую сумму в 1,6 миллиарда американских долларов. Все это вызвало крайне негативную реакцию со стороны официального Тегерана. В конце марта 2012 года в электронной версии влиятельного американского издания Foreign Policy вышла статья эксперта по вопросам безопасности Марка Перри, в которой он заявлял о том, что, по имеющейся у него информации, официальный Баку готов предоставить Израилю аэродромы на своей территории для возможных атак против Ирана.

И хотя вскоре Госдепартамент США опроверг эту информацию, неприятный осадок остался. Особая статья — положение азербайджанцев в Иране (по разным оценкам их численность составляет от 25 до 35 миллионов человек, что в несколько раз превышает количество граждан независимого Азербайджана). И хотя усилия Баку по структурированию деятельности азербайджанских диаспор в мире не следует преувеличивать, они были (и, наверное, будут) вызывать определенные фобии в Тегеране. По словам Хамеда Каземзаде, «азербайджанское правительство рассматривает иранских азербайджанцев, как часть своего культурного и языкового пространства. И это — серьезный вызов для Ирана. Тегеран не хочет иметь этнополитических проблем внутри своей страны, но акции, предпринимаемые официальным Баку по линии образования и культуры, нацелены на национализацию азербайджанского населения в регионе против иранской цивилизации». Думается, что проблема здесь не только и не столько в устремлениях азербайджанской власти, сколько в опасениях, что тему «азербайджанского единства» могут разыграть «большие игроки» (в первую очередь, США). Нельзя сказать, что эти опасения совсем уж беспочвенны (хотя, конечно, и сильно преувеличены). Как бы то ни было, а конгрессмен от Калифорнии Дана Рорабакер осенью 2012 года обратился к тогдашнему

Тегеран не хочет иметь этнополитических проблем внутри своей страны, но акции, предпринимаемые официальным Баку по линии образования и культуры, нацелены на национализацию азербайджанского населения в регионе против иранской цивилизации

госсекретарю Хилари Клинтон с публичной инициативой об «объединении азербайджанского народа». «Для США было бы важно поддерживать такое сотрудничество, поскольку агрессивная диктатура в Тегеране — это в такой же степени наш враг, как и их противник», — гласил тогда текст письма. По мнению Рорабакера, «азербайджанский народ географически разделен, и многие призывают к объединению их родины после почти что двух веков иностранного правления». Официальный Вашингтон не поддержал (и сегодня не поддерживает) данную инициативу. Однако, такого рода идеи и планы (даже носящие откровенно популистский характер) способствуют укреплению имеющихся фобий.

Сегодняшняя «перезагрузка» отношений между Ираном и Азербайджаном — не первая. Еще на закате президентской легислатуры Сейеда Мохаммеда Хатами в 2004 году были предприняты попытки сделать отношения соседей прагматичными. Тогда в Тебризе было открыто азербайджанское консульство, состоялся официальный визит в Тегеран Ильхама Алиева.

Более того, иранские представители даже озвучили некоторую критику Армении за Нагорный Карабах. Но после 2005 года между странами не раз возникали сложности (чего стоят одни только шпионские скандалы!), хотя надо отдать должное руководству Ирана и Азербайджана, противоречия не приводили к пересечению неких «красных линий».

Со сменой власти в Тегеране, на первый взгляд, появилось ощущение прагматизации. И Баку в ней заинтересован, ибо углубление противоречий с соседями при неразрешенном конфликте из-за Нагорного Карабаха потенциально опасно. С другой стороны, успех в «перезагрузке» отношений Ирана и Запада таит в себе риски для Азербайджана и его статуса привилегированного партнера США и ЕС в энергетической сфере.

Это партнерство, между тем, многие годы, прикрывало Баку от критики Запада относительно нарушения прав человека или выборных процедур. Действуя аналогичным образом Ереван и Тбилиси, они получили бы «строгий выговор» (если не санкции) от Вашингтона и Брюсселя. Развязывание же «иранского узла» создает потенциальную угрозу для азербайджанской эксклюзивности, что может повлиять и на миротворческий процесс по Карабаху, и на геополитическую капитализацию прикаспийской республики.

Но прорыв в отношениях между Западом и Ираном пока еще не очевиден. Помимо старых проблем их разделяет слишком многое и сегодня. Речь, конечно же, в первую очередь, о сирийском гражданском конфликте, где у Тегерана и у Запада диаметрально противоположные интересы. И в этой ситуации Баку пытается действовать, чтобы если не снять все проблемы в отношениях с южным соседом, то внести в них мощный заряд прагматики. И укрепление личных отношений Алиева и Роухани — важный элемент такой политики. Впервые два президента встретились в швейцарском Давосе в рамках международного форума. По итогам апрельского визита Алиев пригласил своего иранского коллегу посетить Азербайджан. Теперь мяч передан на иранскую сторону.

Успех в «перезагрузке» отношений Ирана и Запада таит в себе риски для Азербайджана и его статуса привилегированного партнера США и ЕС в энергетической сфере

США не пустили в ООН иранского дипломата

Отказ американских властей выдать визу для въезда в страну постоянному представителю Ирана в ООН Хамиду Абуталеби только на первый взгляд может показаться неким «капризом» Белого Дома, связанным с требованиями американского законодательства. Перед нами — откровенная провокация, целью которой является проверка Тегерана на «прочность», на определение столь странным методом границ уступчивости Ирана в вопросах сохранения переговорного процесса между Исламской республикой и Западом.

В связи с этим дипломатическим скандалом пресс-секретарь Белого дома Джей Карни сообщил о том, что США отказали в выдаче визы постпреду Ирана в ООН в связи с тем, что они считают его причастным к террористической деятельности. «Въезд в страну закрыт для террористов», — заявил Карни. Этот запрет пока не подписан президентом, но администрация относится к нему положительно. Палата представителей по этому вопросу уже единогласно проголосовала «за». Но корни этой ситуации кроются, разумеется, не в том, что Абуталеби был причастен к истории с захватом заложников в посольстве Америки в Тегеране в 1979 году, тем более, что и сам иранский дипломат никогда не отрицал своего участия в тех событиях, поясняя, что выполнял функции переговорщика и переводчика.

Истинная причина внезапного американского «каприза» — речь Духовного лидера Али Хаменеи, произнесенная им в дни празднования 35-й годовщины Исламской революции. Речь, которой Рахбар разрушил иллюзии Запада в отношении далеко идущих планов по «трансформации» Исламской республики, которые должны были стартовать вслед за прогрессом на переговорах по ядерной программе Ирана. «Либо Иран после подписания соглашений по ядерной программе начинает процесс «демократизации», либо он никогда не выйдет из-под наших санкций», — именно такой принцип сформулирован Вашингтоном в отношении Тегерана, и именно этот принцип начинают настойчиво проводить под маской «потепления и расширения контактов» различные международные институты, в числе которых «принципиальные блюстители прав человека и демократических свобод» из ЕС и Европарламента. Соответственно, все разговоры вокруг «ядерной программы Ирана» — не более чем ширма, повод, стратегическая же цель — включение Тегерана в американскую внешнеполитическую обойму, превращение Исламской республики из последовательной антизападной силы

в марионетку Вашингтона и Брюсселя на Ближнем Востоке — остается неизменной. Как неизменными остаются и силовые варианты приведения Тегерана к «лояльности».

Что сказал Рахбар?

С точки зрения Запада, у Духовного лидера Исламской республики есть один серьезный недостаток — он говорит откровенно и называет вещи своими именами. Как духовный лидер нации, ответственный за нее не перед неким «международным сообществом», а перед Всевышним, Рахбар не разменивается на конъюнктурные политкорректность и толерантность. Он открыто говорит о том, что черное — это черное, что шпионаж — это шпионаж, что агрессия — это агрессия, а не «экспорт демократии».

На фоне искреннего и глубокого общения Рахбара с обществом ряд нынешних политиков с их невнятным языком, истеричными выкриками и лукавым бормотанием выглядят откровенным убожеством. Чем откровеннее, глубже и проще выступления политика, тем меньше в этих выступлениях позы и саморекламы, тем уважительнее его отношение к собственному народу. И, соответственно, тем четче понимание народом глубокого смысла посылов, заложенных в речи Духовного лидера. «Нашей целью, когда мы пошли на переговоры с Западом, было изменение той атмосферы враждебности, которую этот Запад сформировал против нас. Эти переговоры будут продолжены, но все должны знать, что деятельность Исламской республики в области мирных ядерных исследований никогда не будет остановлена. Ни от одного из достижений, которых достигла наша страна в этой сфере, мы не откажемся», — лаконично и четко сформулировал Рахбар «красные линии Тегерана» в вопросах переговоров. «Те достижения, которые достигнуты нами — это, по сути, послание иранскому народу о том, что он может покорить любые вершины в науке и технике. И это движение к мирным достижениям ни в коем случае не должно быть остановлено или замедлено. И никто не имеет право торговать тем, что нами достигнуто, и никто не будет этого делать».

Чем откровеннее, глубже и проще выступления политика, тем уважительнее его отношение к собственному народу

Позиции, изложенные в этом выступлении Рахбара — шок и холодный душ для тех на Западе, кто рассчитывал, что ради снятия санкций Тегеран откажется от основных принципов Исламской республики, откажется от научно-технических достижений, от развития собственной промышленности высоких технологий и превратится в покорного клиента, у Запада эти технологии покупающего. «Общество потребления» мерит все на свой манер, ему невозможно представить, что идеалы могут быть выше материальных выгод, что достоинство дороже денег, что политическое руководство может заботиться не о собственных выгодах, а о благе всего народа. И в ответ на речь Рахбара Запад поступил именно так, как Духовный лидер удивительным образом предсказал в конце своего выступления, заявив: «...если бы мы, спасаясь от санкций, отказались от нашей ядерной программы, они [Запад — Iran.ru] нашли бы еще один повод для претензий к нам, как это делают сегодня американцы, поднимая на переговорах вопрос о «правах человека».

Двойное дно западного права

В истории с отказом в визе постоянному представителю Ирана в ООН Хамиду Абуталеби есть весьма примечательный аспект. Решение США в корне противоречит американским обязательствам как принимающей стороны перед ООН, подписанным еще в 1947 году. Казалось бы — все очевидно, перед нами факт нарушения международного права. Но не тут то было! Америка — «страна адвокатов», которые могут оправдать любое нарушение закона, если это нарушение происходит «во благо высших интересов США». Бывший главный юрист американского Госдепартамента Джон Беллинджер написал целое эссе, в котором говорится о том, что с точки зрения законов США американцы, отказав в визе, ничего не нарушили.

Простите, а как же быть с принципом приоритета международного права над законодательством отдельных государств, принципом, который Вашингтон и Евросоюз использовали и используют в отношении бывшей Югославии, Ливии, Ирака, Сирии? Да никак. Если это выгодно Вашингтону, никакое международное право не действует, есть только «право сильного», «право большой дубинки». Поведение Вашингтона на международной арене мало чем отличается от поведения карточного шулера. Передернуть, поменять правила игры он может в любой момент. Принципиальное же отличие заключается в том, что если раньше карточного шулера в приличных домах били канделябром, то нынешний шулер сам кого хочешь канделябром в виде ударных авианосных группировок и «гуманитарных» бомбежек уделает.

Главный труд своей жизни приснопамятный Збигнев Бжезинский, певец американской гегемонии над остальным миром, назвал «Великая шахматная доска». Как обычно — слукавил, поскольку честнее было бы назвать «Великим карточным столом», где сдает шулер, а подыгрывают ему многочисленные «шулерята», например — члены Европарламента, 3 апреля принявшие резолюцию о «Стратегии Европейского союза в отношении Ирана». На бумаге стратегия выглядит просто замечательно: сотрудничество в борьбе с наркотиками, в деле охраны окружающей среды, обмен студентами и парламентскими делегациями. В действительности же Европарламент ставит под сомнение прошедшую в 2013 году президентскую кампанию, итогом которой было избрание Хасана Роухани, и выдвигает претензии к избирательному законодательству Исламской республики, требуя привести его в соответствие с западными стандартами. И заодно рекомендует будущим парламентским делегациям от Евросоюза «активнее встречаться с иранскими диссидентами», что уже совершенно ни в какие «ворота» международных правил приличия не лезет, больше смахивая на откровенное вмешательство во внутренние дела суверенного государства. Но удивление этакой «противоречивостью» европарламентариев исчезает, как только становится известным, что в составлении «Стратегии» принимали активное участие представители израильского лобби и депутаты, тесно контактирующие с «Организацией моджахедов иранского народа», террористической организации, имеющей разветвленные связи в европейской политической элите. Такое вот «двойное дно» всевозможных правовых актов, стратегий и резолюций.

Провокация, как она есть

Без всякого преувеличения можно сказать, что инициатива администрации Обамы в отказе в выдаче визы постоянному представителю Ирана в ООН встретила «горячее одобрение» в среде антиирански настроенного американского истеблишмента. В Конгрессе инцидент с Абуталеби расценили как совершенно правильный шаг: «давно пора поставить иранцев на место», переговоры с Тегераном должны подкрепляться дипломатическим давлением и угрозами. Что же касается опасений по поводу того, что подобная грязная политика может поставить переговорный процесс по «иранской ядерной программе» под угрозу, никого в Вашингтоне не смущает. «Если инцидент с Абуталеби приведет к срыву переговоров, ничего страшного, значит, иранская сторона не относилась к ним серьезно, если готова пойти на их прекращение из-за данного незначительного эпизода», — с циничной откровенностью пишут близкие к Белому дому аналитики.

Но еще дальше пошел бывший командующий американскими силами в Афганистане и экс-директор ЦРУ генерал Дэвид Петреус, который в статье для «Вашингтон Пост» открыто заявил, что «снятие санкций укрепит возможности Тегерана в проецировании своего пагубного влияния на ситуацию в регионе, в том числе в Сирии, Ливане, Ираке, на Аравийском полуострове и на палестинских территориях». А поэтому, по мнению Петреуса, «сейчас крайне важно дать понять Тегерану, что не может быть никакого настоящего примирения между Ираном и США, вне зависимости от исхода переговоров по ядерной программе, до тех пор, пока Иран не изменит своего дестабилизирующего поведения в регионе». В переводе с дипломатического на человеческий — до тех пор, пока Иран не прекратит сопротивляться гегемонии США.

Откровения Петреуса позволяют четко осознать, что история с визой для иранского дипломата — никакое не недоразумение, а хорошо срежессированная провокация. Вашингтон готов вести переговоры с Ираном, но только на американских условиях. Что будет в противном случае, в случае, если Тегеран будет настаивать на равноправном диалоге, то это четко обрисовал Петреус: «У нас должен быть четкий план того, что в случае недостаточной деятельности иранцев в отношении выполнения соглашений по ядерной программе... продолжения ими дестабилизирующего регионального поведения... режим калечащих санкций должен быть быстро восстановлен». Иначе говоря, американцы определяют Ирану как выполнить свои обязательства по ядерной программе и, главное, где и как себя вести в региональной политике. «Капризы» Вашингтона — это игра, суть которой в продолжении политики шантажа и угроз в отношении Тегерана. Никакого отношения к международному праву, ядерному распространению и прочим «правам человека» они не имеют. «Сломать Тегеран, сделать его своим вассалом!» — вот их истинная цель.

Эль Мюрид

Иран предложил России дружить трубами

На фоне украинских событий в России не слишком заметно прошла информация, которая, возможно, в другое время вызвала бы гораздо больший интерес. Речь идет о заявлении министра промышленности и торговли Республики Иран Мохаммеда Резы Нематзаде. Суть заявления — Иран готов к существенным поставкам своего природного газа в Европу, однако при этом уважает интересы России и собирается строить свою газовую политику с учетом ее интересов, не создавая ненужную конкуренцию российскому газу.

Технически реализация проекта поставки иранского газа выглядит как постройка газопровода в сторону Турции, с территории которой газ и будет поставляться в страны Европы.

Иран с доказанными запасами газа 30 трлн куб. м является второй страной в мире по этому показателю после России. На долю Ирана приходится почти 18% мировых запасов. Однако в качестве газового игрока его позиции выглядят несопоставимо слабее: иранский экспорт составляет всего лишь 1% общемирового, а иранская добыча — всего лишь 5% общемировой.

У Ирана есть две ключевые проблемы, не позволяющие ему в полной мере использовать свои природные ресурсы. Это географическое положение и международная политическая обстановка вокруг страны. Горная местность и геологическая сложность маршрутов поставки газа по земле дополняется узким местом всех стран Персидского залива — Ормузским проливом. Политическая обстановка вокруг Ирана тоже не выглядит благоприятной, вследствие чего страна перманентно пребывает в режиме санкций и ограничений.

Нужно отметить, что у Ирана есть и сугубо внутренние проблемы. Доля газа в иранском энергобалансе составляет 50%, однако устаревшее оборудование газовых электростанций работает с гораздо меньшей эффективностью, чем современное, вследствие чего очень большая доля газа сжигается впустую. Модернизация тепловых электростанций, работающих на газе, может позволить иранцам и существенно повысить энергоэффективность, и сберечь ценный энергоноситель.

Естественно, что Иран обеспокоен существующим положением дел и намерен реализовывать весьма обширную программу, включающую в себя

развитие как добывающей отрасли, так и всех сопутствующих направлений — энергетики, переработки, транспортной инфраструктуры, экспорта. Но проблемы все равно остаются серьезными.

Похоже, что отмена последнего пакета санкций и существенное улучшение отношений с США и Западом в целом создали предпосылки, чтобы Иран в короткие сроки и практически рывком попытался решить очень большой пласт накопившихся задач.

Однако для этого ему нужны ресурсы, в первую очередь финансовые. Их можно взять в долг, можно открыть свою экономику для инвесторов, можно заработать. Судя по всему, ставка делается на последнее. Экспорт газа должен дать необходимые для модернизационных программ финансовые ресурсы, а это значит, что в ближайшие годы Иран постарается увеличить его, попытавшись завоевать позиции на новых рынках.

Европейский рынок становится в этом случае очень привлекательным в качестве первоочередной цели, однако как раз на этом направлении есть две проблемы. Первая — это, безусловно, обстановка на Ближнем Востоке с учетом того, что одной из задач «арабской весны» было создание пояса нестабильности между тремя крупными экономическими «субконтинентами» — Европейским союзом, Россией и Таможенным союзом — и создающимся единым экономическим пространством Ближнего и Среднего Востока.

Вторая проблема Ирана на европейском газовом рынке — нежелание конкурировать с Россией. Иран не питает иллюзий относительно независимости европейцев от США. Параноидальные попытки нанести вред российско-европейским отношениям в ущерб интересам Европы со стороны европолитиков выглядят, безусловно, сущим идиотизмом, но это та данность, с которой приходится работать. В такой обстановке логичнее не конкурировать с Россией на европейском рынке, а сотрудничать, так как, сталкивая поставщиков

газа между собой, Европа рассчитывает на их борьбу друг с другом, а не с собой, позволяя европейцам диктовать свои условия и цены. На это и рассчитан Третий энергопакет, ставящий поставщиков газа в весьма невыгодные условия. Отсюда и аккуратное замечание министра Нематзаде: «Европейский рынок для нас цель, но мы не хотим ненужной и бессмысленной конкуренции с Россией. Нам еще жить вместе».

Из этих слов следует весьма любопытный вывод: Иран полагает, что проведение совместной и скоординированной политики на европейском рынке не просто желательно, а настоятельно необходимо. Если это так, то неизбежным следствием

сказанного должно стать создание некоего координирующего органа, а впоследствии совместного концерна по продаже иранского газа в Европе.

Третий энергопакет, требующий разделять добычу, транспортировку и торговлю газом, серьезно бьет по интересам России, реализующей сейчас проекты своих «Потоков». Несмотря на то что они были запущены до принятия Третьего энергопакета, европейцы настаивают, чтобы Россия подчинилась

Иран полагает, что проведение совместной и скоординированной политики на европейском рынке не просто желательно, а настоятельно необходимо

его требованиям. Классика жанра: право европейцы применяют только к себе, для остальных есть условия. Допуск Ирана к трубе «Южного потока» позволит России формально соблюсти условия энергопакета и в то же время не допустить ненужной для себя конкуренции.

Такой подход позволит соблюсти и интересы России в Турции: иранский газ может стать проблемой для нас в этой стране. Однако если Турция станет транзитной страной для его газа в направлении Европы, это также позволит согласовывать политику обеих стран, наращивая при этом свои поставки, но не нанося друг другу ущерб.

В случае если опыт сотрудничества окажется полезным, его можно будет распространить и на восточное направление — на поставки газа в Китай. Очевидно, что география маршрута лежит через Туркмению, Узбекистан, Казахстан — те страны, в которых у России имеются прочные или, по крайней мере, уверенные позиции. И здесь совместная политика с Ираном позволит не наносить друг другу ущерб. Кроме того, восточные проекты России и Ирана дадут возможность подключить к ним еще одного очень крупного потенциального газового игрока — Туркмению, за газ которой Соединенные Штаты ведут упорную борьбу с Китаем.

Противостоять всем этим проблемам лучше совместно, и намек Ирана на повышение уровня сотрудничества выглядит более чем разумным.

США и Россия: Борьба за Иран

Президент США Барак Обама, как считают в Белом Доме, потерял надежду на сотрудничество с российским лидером Владимиром Путиным. Обама пришел к выводу, что даже если будет найдено решение по ситуации на Украине, «у него уже никогда не будет конструктивных отношений с Путиным». Поэтому лидер Америки решил в оставшееся до истечения срока его полномочий время сосредоточиться на решении других проблем международных отношений, в которых Ирану отведена ключевая роль.

В отношении Тегерана американская администрация намерена сделать все, чтобы вбить клин между Москвой и Тегераном. Американцы уверовали в свою избранность и исключительность, в то, что им позволено решать судьбы мира, определять с кем и как дружить Ирану. И это несмотря на то, что конфронтация между США и Исламской Республикой продолжается 35 лет. Это — один из самых длительных международных конфликтов, если вспомнить, что даже битва титанов в ходе советско-американской «холодной войны» продолжалась чуть больше 40 лет. В этой связи возникает вопрос: действительно ли появилась возможность стратегического сближения Тегерана и Вашингтона в ущерб российско-иранскому партнерству?

Проверку Украиной Иран и Россия выдержали без потерь

На фоне украинского кризиса в условиях обострения отношений России с Западом Москва, в свою очередь, заинтересована в новых союзных отношениях и альянсах, и одним из наиболее надежных партнеров на сегодня представляется Иран. В своей официальной позиции Тегеран в связи с событиями на Украине не встал на сторону Запада против России. Оценка США как основного противника обеих стран выходит на первый план. Ухудшение отношений между Москвой и Вашингтоном в этом контексте для Тегерана может стать определенным бонусом для углубления ирано-российского взаимодействия на двухстороннем и региональном уровне. Иранцев никак не устраивает перспектива расширения НАТО к границам России. Украина — пробный шар, за которым в случае отступления Кремля могут последовать государства Южного Кавказа и Центральной Азии. В Тегеране использование Вашингтоном демократической фразеологии давно уже никого в заблуждение не вводит, иранский народ не сомневается в том, что американские методы «гуманитарной» интервенции повсеместно приводят к войнам. Для Ирана ситуация на Украине — это самый реальный

трагический урок, преподнесенный США и Западом поверившему в либеральную демократию украинскому народу. И здесь вместо обещанной демократии мир стал свидетелем торжества радикализма и экстремизма, пусть и не исламского. Украина, полагаясь на США, уже потеряла часть своей территории и в эти дни находится в одном шаге от распада на две, а то и несколько частей.

Американцы, как всегда, действуют без оглядки на международное право. После возвращения Крыма в состав Российской Федерации некоторые американские чиновники призывают принять в члены НАТО Украину, Грузию и Молдавию, а также разместить американские войска и самолеты в Польше и странах Балтии. Иранцам все это хорошо знакомо: страна под гнетом американского давления живет уже более 35 лет. Напомним, что неоднократные попытки американцев устроить цветные революции в Иране провалились, несмотря на беспрецедентное давление с помощью санкций, которые неминуемо вели к ухудшению материального положения прежде всего простых иранцев. В своей речи по случаю 35-летия исламской революции духовный лидер Ирана аятолла Хаменеи назвал заявления администрации США об отсутствии у нее намерения сместить существующий в ИРИ режим ложью. Аятолла Хаменеи считает, что Исламской Республике, возможно, имеет смысл менять тактику в меняющихся международных условиях, но основные принципы революции 1979 года должны остаться неизблемыми. Иранцы понимают, что ядерный вопрос Ирана вышел за пределы правовых и технических дискуссий и превратился для США и их союзников в сугубо политизированное досье, закрыть которое Запад стремится с явной геополитической пользой для себя в регионе.

Речь идет, как минимум, о смене политического курса руководства Ирана, а в самом желаемом для американцев варианте о замене исламского режима на прозападное государственное устройство. Сейчас иранский народ с оптимизмом смотрит в свое будущее и верит, что их страна с новым правительством президента Роухани стоит на пороге больших позитивных и прорывных перемен. Многие зависят от успешного завершения переговоров по иранской ядерной программе, надежды иранцев связаны именно с решением данного вопроса, а не с получением американского одобрения антироссийских действий. Иран остается независимым государством, перестраивать свою стратегию в пользу Америки у Тегерана нет необходимости.

Ядерное соглашение не прекратит американскую вражду к Ирану

Ядерная программа Тегерана — лишь один из вопросов, по которым позиции Ирана и США расходятся. Однако многие другие до сих пор не решены и не решаются — палестинский и сирийский вопрос, ситуация в Афганистане, конфронтация Ирана и Саудовской Аравии, общая ситуация на Ближнем Востоке. Пример жесткого отказа Белого Дома признать право Ирана на участие в конференции по сирийскому урегулированию «Женева-2» указывает на неготовность Америки к нормализации отношений с Тегераном. Вашингтон принципиально отвергает возможность прямого диалога с Тегераном до тех пор, пока не будет заключено окончательное соглашение по его ядерной программе. В министерстве иностранных дел ИРИ справедливо

считают, что Соединенные Штаты и Иран еще не вступили в фазу нормализации двусторонних отношений. На самом деле так и есть, а информационные спекуляции Запада на счет «ирано-американской предстоящей и неминуемой дружбы» призваны лишь поссорить Россию и Иран

Очень быстро США и Евросоюз забыли, что несколько месяцев назад именно Россия содействовала нормализации ирано-американских отношений, главным образом в разрешении иранской ядерной проблемы, так что ссылки на якобы секретные и неизвестные Кремлю предварительные переговоры американцев с иранцами являются не более чем выдумкой. Тегеран заинтересован в выстраивании стратегических отношений с Россией и никогда не действовал за ее спиной, даже когда ему это было очень выгодно. Ярким примером служит недавнее предложение Ильхама Алиева в ходе его визита в Тегеран выступить посредником в организации доставки иранского газа в Европу минуя Россию в свете украинского кризиса. Тогда Иран категорически отказался, заявив, что за спиной России и без согласования с ней никаких контрактов с Европой никогда не подпишет. В поведении Тегерана есть мудрость и логика, которая заключается в том, что нельзя использовать ситуацию, когда в силу разных причин сосед оказался в трудном положении, для продвижения своих интересов в ущерб его интересам. Тем более, что именно принципиальная позиция Москвы по разрешению ядерной проблемы Ирана, которая известна партнерам и не меняется уже в течение нескольких лет, взята на вооружение всеми участниками «шестерки», включая и США. На этом фоне попытки конгресса США ввести новые санкции против Ирана и вето Обамы в отношении этого законопроекта выглядят какой-то архаикой, неспособностью поспеть за ходом событий. Вернее, нежеланием адекватно реагировать на неукоснительное соблюдение Ираном взятых на себя обязательств.

Ядерная проблема Ирана «практически урегулирована»

Ядерная проблема Ирана, как считает руководитель Организации по атомной энергии Али Акбар Салехи, «практически урегулирована». Иран согласился на перестройку ядерного объекта в Араке. После перестройки он будет производить плутоний (ключевой элемент для создания ядерного оружия) в гораздо меньших количествах. 80-процентное сокращение способности Ирана производить плутоний в Араке было одним из основных требований шестерки мировых держав, ведущих переговоры с Тегераном. В отчете генерального директора Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ) подтверждается, что Иран полностью завершил работы по «разбавлению» согласованного количества урана, обогащенного до уровня в 20%. Салехи подчеркнул, что работы завершены в соответствии с Женевскими соглашениями. По его словам, Иран закончил процесс разбавления водой и конвертирования в оксид урана 200 килограммов обогащенного урана.

У МАГАТЭ претензий к выполнению Тегераном совместного плана действий, принятого Ираном и «шестеркой» для окончательного урегулирования ядерной проблемы, нет. Однако США начинают выдвигать дополнительные требования. К примеру, заместитель госсекретаря США Уэнди Шерман недавно отметила опасность наличия у Ирана баллистических ракет, которые

могут быть использованы для доставки ядерных зарядов. США заявляют о необходимости включить данный пункт в повестку ядерных переговоров. Есть у американцев и совсем абсурдное намерение. При подписании договора Конгресс США должен заранее дать президенту разрешение на применение военной силы в случае нарушения Ираном его условий. Налицо нежелание США закрывать иранское ядерное досье, однако Москва и Тегеран готовы к совместным действиям против американского диктата.

Нефтяная сделка в ответ на американские угрозы

В преддверии снятия санкций с Тегерана Россия и Иран достигли прогресса в переговорах о поставках российских товаров в обмен на иранскую нефть. Общая сумма контракта может составить 20 млрд долларов. Речь идет о планах по закупкам 500 тысяч баррелей иранской нефти в день. Москва считает, что сделка с Ираном не нарушает введенные в отношении Тегерана международные санкции. Россия подписалась только под санкциями Совбеза ООН, а односторонние ограничения, принятые США и Евросоюзом, считает противозаконными. Теперь Кремль решил подтвердить эту неизменную позицию конкретным шагом навстречу Ирану. Москва отбирает у Белого Дома рычаг давления на Тегеран, разрушает всю американскую конструкцию диктата условий иранцам. Американцы опасаются именно этого, а не реализации самой сделки, для осуществления которой многие эксперты не видят сейчас реальных путей. Здесь самым важным и ценным является сам факт готовности России к подобным ответным мерам на американский «беспредел».

Иран не только крупный поставщик нефти. Страна по запасам газа занимает первое место в мире, и мы можем создать коалицию, чтобы такие подконтрольные Америке игроки, как Саудовская Аравия и Катар, не могли использовать незаконные односторонние санкции со стороны США с выгодой для себя. Россия может стать трейдером для иранской нефти в случае, если американцы откажутся отменять санкции после подписания окончательного соглашения с Ираном по его ядерной программе. Приобретателем нефти могла бы стать уполномоченная компания-трейдер, выбранная Минэнерго и не работающая на мировых рынках. Сейчас речь идет о значительном прогрессе на переговорах по этой сделке. Контракт может быть реализован в несколько этапов, и на первом из них его стоимость должна составить 6–8 млрд долларов. Правительства Ирана и России пока воздерживаются от комментариев по поводу этого контракта, а Белый Дом уже паникует.

После появления сообщений о сделке пресс-секретарь президента США Джей Карни заявил, что Белый дом намерен добиваться санкций против Тегерана и Москвы, если сделка действительно состоится. «Нам совершенно, предельно ясно, что все подобные сделки потенциально могут подпадать под санкции и способны привести к огромным рискам, которые усложняют для «шестерки» достижение более полного соглашения (по иранской ядерной программе), если и вовсе не сорвут его», — считают в госдепартаменте США. На деле все наоборот, Россия и Иран ведут переговоры о нефтяной сделке вне зависимости от позиции США, чтобы усложнить попытки администрации Обамы применить новые санкции против Тегерана, которые

готовит конгресс. Иран, со своей стороны, предупредил, что любые новые санкции приведут к срыву переговоров. А сенат сегодня уже подготовил проект решения об ужесточении санкций, против которого почти никто в Америке не выдвигает возражений.

К Западу у Ирана доверия нет

К Западу у Ирана доверия нет, к России оно есть, и было бы крайне ошибочным не принимать этого во внимание в сотрудничестве с Тегераном. Кремль отвергает призывы США не заключать договор с Ираном об обмене нефти на товары. Заместитель министра иностранных дел России Сергей Рябков заявил, что расширение российско-иранской торговли — «естественный процесс, и он не несет в себе никаких элементов политического и экономического вызова кому бы то ни было». Он охарактеризовал подход США как создание «искусственных препятствий» для развития российско-иранского сотрудничества. С отменой международных санкций, принятых Советом Безопасности ООН, снимутся и ограничения на военно-техническое сотрудничество, возобновление которого в полном масштабе также в интересах обеих стран. В ближайшей перспективе — возвращение к рассмотрению вопроса о полноценном членстве Ирана в Шанхайской Организации Сотрудничества.

Напомним, что установленный шестимесячный срок для подписания соглашения завершается 20 июля. Иранцы ясно и твердо заявили о своей позиции: адекватной ценой за компромиссы и уступки в своей ядерной программе может стать лишь полная и безоговорочная отмена санкций. Этого ожидает и весь деловой мир. Европейские страны уже начали конкурентную борьбу за возвращение на иранский энергетический рынок, а их компании активно работают с иранскими партнерами, не дожидаясь официального снятия санкций. Только вот иранцы не торопятся открывать перед ними двери к своим ресурсам. Духовный лидер ИРИ аятолла Хаменеи требует от правительства учесть при выборе «стратегических потребителей» предательство Евросоюза, поддержавшего нефтяную блокаду и газовое эмбарго. Президент Роухани намерен вывести Иран из международной изоляции и добиться отмены санкций. Он также указывает, что посредничество Тегерана может оказаться полезным при решении глобальных проблем, «с которыми не смогли справиться великие державы». России такая позиция иранского руководства близка, и Москва не пытается получить от новой дипломатии Ирана односторонние выгоды.

Перспектива новой холодной войны между США и Россией, кризис в американо-российских отношениях в связи с Украиной для Ирана означает гораздо меньшую склонность Москвы к сотрудничеству с Вашингтоном по региональным проблемам, где у Тегерана существуют принципиальные разногласия с Америкой. Последствия американо-российских разногласий из-за Крыма, скорее всего, будут иметь длительное влияние на мир, которому предстоит пройти через трансформацию многих геополитических факторов, так или иначе связанных с отношениями Москвы и Вашингтона. Конфронтация может стать весомым поводом для крутой переориентации внешнеполитической повестки дня Тегерана в пользу России. Тесное сотрудничество России с Ираном могло бы охватывать многие стратегические области, но

до сих пор взаимный потенциал не раскрыт в полной мере. Многое зависит от политической воли руководителей наших стран, а внешние факторы не должны иметь определяющего значения.

Соединенные Штаты, привыкшие зачислять неугодные им государства в число «изгоев», сейчас сами рискуют оказаться в международной изоляции. Статус Вашингтона как мирового политического центра влияния понижается, политика администрации Обамы в отношении Ирана оказалась недальновидной и стратегически ошибочной. Не случайно, что после Ирака, Афганистана и Сирии Обаму называют «хромой уткой», а американцы считают его самым слабым лидером последних ста лет. Претензии Белого дома на доминирование в регионе Ближнего Востока отклоняются все более решительно Россией, и в этой политике Тегеран для Москвы — естественный союзник. Когда национальные интересы Ирана совпадают с российскими, как это нагляднее всего видно по поддержке, оказанной с 2011 года обеими странами правительству Башара Асада в Сирии, то можно ожидать, что правительство Роухани будет тесно координировать свои действия с Москвой. Вместе с тем, долгосрочные интересы Ирана требуют восстановления отношений с Западом, Тегеран не отказывается от этой цели, но и не пытается выстраивать это сотрудничество против России.

Ираклий Гелашвили

Кто и как будет дальше разыгрывать иранскую «карту»

В Вене прошел очередной, третий раунд переговоров между Ираном и «шестеркой» (постоянные члены Совета Безопасности ООН и Германия) по ядерной проблеме. Напомним, что 4 ноября прошлого года Иран и «шестерка» одобрили в Женеве промежуточное соглашение, рассчитанное на шесть месяцев. Этим документом было предусмотрено, что окончательное соглашение должно быть подготовлено в течение года с момента заключения промежуточной договоренности. Иран обязался в течение шести месяцев приостановить обогащение урана до 20% и не обогащать его в этот срок выше 5% уровня. Иран также взял на себя обязательства избавиться от всех накопленных запасов обогащенного до 20% урана, приостановить строительство тяжеловодного реактора в Араке, не развертывать новые центрифуги для обогащения урана и расширить доступ инспекторов МАГАТЭ на свои ядерные объекты.

Заметим, что это соглашение было достигнуто благодаря согласованным действиям дипломатии стран «шестерки» и квалифицировалось ими как «прорывное». Оно не только «накладывалось», но фактически являлось своеобразным продолжением достигнутых между Россией и США договоренностей по ликвидации сирийского химического арсенала при участии международных наблюдателей. К тому же новый президент Ирана Хасан Рухани, в отличие от своего предшественника, демонстрировал готовность пойти на сближение с Западом, подготовил «дорожную карту», которая предусматривала не только поэтапный сценарий действий Тегерана в сторону решения ядерной проблемы, но и международные условия, при которых, по мнению иранской стороны, возможно достижение соглашения.

Для такого оптимизма было немало оснований. Еще в конце 2013 года заместитель госсекретаря США Уильям Бернс заявлял, что считает: «США и Россия, как постоянные члены Совета безопасности ООН, как две крупнейшие ядерные державы и как два крупнейших в мире производителя углеводородного сырья вместе могут в значительной степени способствовать разрешению широкого спектра международных проблем, в том числе и по иранскому «ядерному досье».

Однако украинский кризис, активная и во многом неожиданная для Москвы вовлеченность Вашингтона в государственный переворот в Киеве, воссоединение Крыма с Россией и последовавшая вслед за этим так называемая политика санкций изменили диспозицию. Появилась вероятность

того, что дипломатические гроссмейстеры, играющие сразу на нескольких политических досках — афганской, сирийской, иранской, а теперь и на украинской — могут разом смахнуть все фигуры. Именно в этом главная особенность диалога Иран-«шестерка» на данном этапе.

Неслучайно накануне венских переговоров Иран — «шестерка» заместитель министра иностранных дел России Сергей Рябков заявлял, что «Россия не испытывает особых ожиданий от предстоящего раунда этих переговоров». Даже при том, что согласно докладу генерального директора Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ) Юкии Амано, «с 20 января Иран не обогащает уран свыше 5%, не производит улучшений на обогатительном предприятии в Фордо и реакторе в Араке, включая производство и тестирование топлива для него». Кроме того, Иран, согласно информации МАГАТЭ, «предоставил обновленные данные по конструкции реактора в Араке и выразил готовность предпринять шаги для постановки его под режим гарантий».

При этом, некоторые эксперты предполагали в Вене интригу: в условиях ухудшения взаимоотношений России со странами Запада, возможна «игра» Запада с Тегераном против Москвы, чтобы — если не оторвать их друг от друга — то осложнить им возможность для скоординированных действий. Не получилось. Участники переговоров декларировали пока только факт «создание базы для следующих шагов», и стороны, по словам Рябкова, «не прошли и половины пути». А у «шестерки» и Ирана осталось не так уж много времени для достижения всеобъемлющего соглашения по ядерной программе — до 20 июля.

Как заявила глава внешнеполитического ведомства ЕС Кэтрин Эштон по итогам двухдневных переговоров между сторонами. Следующий раунд переговоров также состоится в Вене, 13 мая. По ее словам, «потребуется интенсивная работа для преодоления разногласий». В этой связи министр иностранных дел Ирана Мохаммад Джавад Зариф заявил, что Иран и «шестерка» договорились по примерно 50–60% вопросов, касающихся ядерной программы Тегерана. В то же время он отметил, что остающиеся проблемы «очень важны». Между тем, ранее верховный лидер Ирана аятолла Сейед Али Хаменеи отмечал, что Тегеран никогда не остановит исследования и разработки в ядерной сфере. Он также считает, что отношения Международного агентства по атомной энергии ООН с Ираном должны носить обычный, а не чрезвычайный характер.

Это — не очень хорошие признаки относительно перспектив в достижении договоренностей. Даже несмотря на то, что объявлено о возможности получения Ираном пятого транша в сумме 4,2 млрд долларов из активов, замороженных в иностранных банках.

И еще. Ранее Смоленская площадь с осторожным оптимизмом заявляла, что «отношения с США не скажутся на переговорах «шестерки» с Ираном». Такую же позицию занимал и госдеп США. Официальный представитель Белого Дома на телефонном брифинге для журналистов, напоминая о разногласиях Вашингтона с Москвой из-за украинских событий, в то же время

Иран и «шестерка» договорились по примерно 50–60% вопросов, касающихся ядерной программы Тегерана

сообщила, что «это не оказало существенного влияния на переговоры», которые США, Россия и их партнеры ведут с Тегераном. Она также выразила надежду, что участники дискуссий смогут подготовить всеобъемлющее соглашение с Ираном в намеченный срок — до 20 июля.

Но для этого необходим второй «прорыв» в переговорном процессе и чрезвычайно интенсивный диалог между Россией и США, так как за два оставшихся месяца необходимо найти приемлемое для всех решение по наиболее сложным аспектам иранской ядерной программы, в том числе вопросов обогащения урана, реактора в Араке, сотрудничества с МАГАТЭ, а также постепенной отмены международных санкций против Ирана. Теоретически такое возможно, а практически? Так, США отказали в визе дипломату Хамиду Абуталеби, которого Иран намеревался назначить своим представителем при ООН. В качестве причины этой акции американские СМИ называют возможное участие Абуталеби в кризисе с заложниками 1979 года, когда группа иранских студентов на протяжении 444 дней удерживала 52 американцев в захваченном посольстве США в Тегеране. Наконец, заместитель госсекретаря США по политическим вопросам Уильям Бернс, один из ведущих специалистов по иранской проблематике, объявил об уходе в отставку в октябре 2014 года. Что все это значит, если учитывать то, что он являлся одним из тех американских политиков, которые считают, что «разрешение кризисов, подобных сирийскому и иранскому, невозможно без участия России»?

Маурицио Молинали

Каспийский пакт Москва-Тегеран — несмотря на западные санкции

«Кремль создал форум многостороннего экономического сотрудничества, в котором Тегеран играет роль привилегированного партнера. Складывается впечатление, что Путин и Рухани закладывают основы для более широкого сотрудничества на Среднем Востоке, которое может распространяться на такие стратегические сектора, как безопасность», — пишет Маурицио Молинали в статье, опубликованной на сайте газеты La Stampa.

«Москва делает ставку на Каспийское море с целью развития многостороннего экономического сотрудничества с Ираном, вопреки санкциям США и ЕС в отношении обеих стран. Таков смысл заявления, прозвучавшего из Кремля, где министр иностранных дел Сергей Лавров говорил о «позитивных перспективах» для «более масштабного сотрудничества между прибрежными государствами», иными словами — Россией, Азербайджаном, Ираном, Казахстаном и Туркменистаном», — пишет корреспондент.

«Пять стран остаются разделенными спорами, касающимися природных ресурсов самого большого озера планеты, но для Москвы главное на данном этапе — придать большее политическое содержание пятистороннему сотрудничеству, и Тегеран, как кажется, придерживается аналогичного мнения. «Существуют предпосылки для тесного сотрудничества», — сказал министр иностранных дел Ирана Джавад Зариф. Лавров и Зариф считают возможным сотрудничество со странами, не входящими в Каспийский регион, с перспективой реализации крупных энергетических проектов, в которые могут быть вовлечены Турция и Китай. Москва стремится придать учредительный характер Каспийскому форуму: после первого саммита в Баку в 2010 году ближайший пройдет осенью в Астане, и Лавров подчеркивает необходимость чаще проводить встречи на уровне министров иностранных дел, чтобы повышать уровень многостороннего сотрудничества», — сообщает издание.

«Это означает, что Россия Владимира Путина в условиях санкций США и ЕС рассматривает Каспийский форум как пространство для экономического сотрудничества, позволяющее избежать давления Вашингтона и Брюсселя, а также сementировать соглашения о двусторонних обменах с Ираном Хасана Рухани. Речь может идти о первом кирпиче новой стратегической архитектуры на Среднем Востоке, не исключая и военные составля-

ющие. Стоит отметить, что по завершении переговоров в Москве между пятью главами внешнеполитических ведомств иранец Зариф сделал акцент на «обеспечении безопасности Каспийского моря», выражая явную поддержку роли России, единственной страны, располагающей военным флотом в Каспийском бассейне», — подчеркивает автор статьи.

«Поражает, прежде всего, то, как Путину удастся одновременно активизировать отношения с Ираном и укреплять взаимопонимание с Израилем. Свидетельством этого может стать позиция, изложенная министром иностранных дел Авигдором Либерманом по поводу российского вмешательства на Украине. «Мы не высказывались и, я думаю, не будем высказываться», — сказал министр, подтверждая нейтральную линию в отношении санкций США-ЕС, вызывающую недовольство Вашингтона», — говорится в статье.

Николай Бобкин

Пойдет ли Иран на замену российского газа для Европы?

В наши дни, когда мир стал глобальным и взаимозависимым, украинский кризис затрагивает интересы многих стран, даже не имеющих непосредственной географической близости к Киеву. Религиозный деятель Ирана аятолла Ахмад Хатами на традиционной пятничной молитве в Тегеранском университете назвал американское вмешательство «актом агрессии». «Вмешательство со стороны США в происходящие на Украине события поставило эту державу на грань войны», — считает он. Его оценка отражает позицию иранского руководства, хотя в мировых СМИ, да и наших не прекращаются попытки представить Иран страной, якобы, стремящейся использовать ситуацию в своих интересах и в ущерб энергетическим интересам России. Упор делается на предположениях о стремлении Ирана сыграть на стороне Запада и заменить российский газ для Европы. Так ли это, рассмотрим в этой статье.

Нужен ли иранский газ Европе?

На этот вопрос можно давать утвердительный ответ. Разговоры о скором исчезновении зависимости Европы от традиционных энергоресурсов ведутся многие годы, однако более половины своих энергетических нужд Евросоюз по-прежнему удовлетворяет путем импорта. До 2050 года 25% потребности Европы в энергии будет удовлетворяться за счет газа, а стоимость импорта горючего к 2030 году достигнет примерно 500 млрд евро. Россия является первым экспортером энергии в Европу, опережая в этом Норвегию, Алжир и другие страны. Литва, Латвия, Эстония, Финляндия, Чехия, Словакия и Болгария зависят от российского газа на 100%. Даже Германия, где доля российского газа составила в прошлом году всего 28%, зависит от него настолько сильно, что пока не может позволить себе сокращать зависимость большими темпами, хотя и пытается сделать это в течение многих лет. Претендентов на замену российского газа немного, на фоне кризиса на Украине свои газовые услуги навязать Европе пытаются Соединенные Штаты.

Поставки сжиженного природного газа (СПГ) из Америки в Европу — это долгосрочная перспектива, и ожидать скорого прихода американского газа в Европу не стоит. Закупая американский газ, европейцам придется нести

серьезные финансовые потери. Доставить американский газ в Европу можно только по морю. Необходимой для приема СПГ инфраструктуры в Германии, к примеру, нет совсем. Станут ли немцы строить терминалы стоимостью более 5 млрд долларов в интересах энергетической стратегии США? При этом даже в случае решения о переходе Европы на СПГ из Америки первые крупные поставки могут быть начаты не ранее чем через 5–6 лет. Однако и тогда американский газ не спасет Европу. Лицензии, выданные властями США американским компаниям, позволят к 2020 году нарастить поставки в Европу до 60–70 млрд кубов, а европейцы в 2013 году потребили газа почти в десять раз больше.

Норвегия, надежный политический союзник ЕС, также развеяла надежды европейцев на существенное расширение поставок своего газа в случае снижения закупок в России. «В краткосрочной перспективе мы сможем увеличить добычу газа, но не очень значительно», — заявил министр нефти и энергетики Норвегии Торд Льен. Он напомнил, что к 2020 году добыча газа в стране будет увеличена до 130 миллиардов кубометров. В 2013 году этот показатель составил 110 миллиардов кубометров. Других источников диверсификации в своей западной среде у европейцев нет, приходится покупать газ у «Газпрома» и обратить свой взор на Восток.

Здесь есть Катар, откуда доставляется сейчас более четверти потребляемого в странах ЕС сжиженного газа, но значение этого фактора для энергообеспечения Европы преувеличено. Объемы поставок катарского газа хотя и понижают конкурентоспособность российского сырья, но пока незначительно. А в перспективе Катар отдает предпочтение не Европе. В этом году ожидается снижение объемов поставок катарского газа для стран ЕС. В стратегии Дохи доминируют долгосрочные контракты с государствами Азии и Южной Америки, для их реализации понадобятся большие объемы сырья. Очевидно, что втягивание Катара в войну против «Газпрома» Европе придется отложить на долгие годы.

Не дает покоя Европе каспийский газ. Азербайджан, активно пропагандируемый в последние дни в качестве альтернативы, не в состоянии соревноваться в объемах поставок из России. Нужно признавать, что в долгосрочной перспективе, даже при условии успешной реализации проектов ТАР и TANAP, Баку сможет удовлетворить потребности Европы в газе только на 4%. То есть заполнить европейскую экспортную трубу в одиночку он не сможет по определению. Азербайджан по запасам природного газа находится на 28-м месте, и намного уступает соседней Туркмении. Но туркмены не стали ожидать начала строительства Евросоюзом Транскаспийского газопровода и переориентировали свои долговременные контракты на Китай. Есть еще проект поставок туркменского газа в Афганистан, далее в Пакистан и Индию.

Надежды на то, что Туркмения станет заполнять своим газом азербайджанскую трубу, европейцы потеряли. Тем более что Россия и Иран категорически против строительства газопровода по дну Каспийского моря. Строить же по территории северных провинций ИРИ не разрешают американцы, они вообще поставили перед собой цель не выпустить иранский газ на внешние рынки. Возражения на этот счет Старого Света в Вашингтоне не воспринимаются вопреки уникальным экспортным возможностям Ирана.

Кто стоит на пути иранского газа?

Иранской газовой мощи боятся, прежде всего, США. В недрах Ирана находится около 35 триллионов куб. м природного газа. В настоящее время в Иране добывается лишь до 700 млн куб. м природного газа в сутки. Для сравнения отметим, что «Газпром» в конце прошлого года зафиксировал рекордный суточный объем добычи газа за последние почти пять лет в объеме 1,653 млрд кубометров, что на 230% превышает иранскую суточную добычу. В пересчете на годовые объемы добычи газа, по данным, опубликованным в Статистическом обзоре мировой энергетики (Statistical Review of World Energy), Иран уступает США и России почти в четыре раза, получив в 2011 году чуть более 150 млрд куб. м газа. Сейчас в иранских правительственных планах предусматривается увеличить добычу газа до 2015 года в два раза.

В прогнозах иранских газовиков, непосредственно руководящих этой отраслью, оценки ближайшей перспективы гораздо скромнее. В 2014 и 2015 гг. этот показатель может быть увеличен соответственно до 895 и 950 млн куб. м в сутки. Причем абсолютно большая часть от этого объема будет потребляться внутри страны. Хотя, в первую очередь, увеличение добычи газа нужно Ирану для поставок на экспорт, объем которого, по прогнозам самих иранцев, должен составлять не менее 30% от всего добываемого в стране газа, или до 250 млн кубометров в сутки. То есть, ежедневный объем газа, поставляемого за рубеж, планируется в ближайшие годы увеличить с 35 млн куб. м практически в семь раз. Разумеется, что у европейского рынка в этих планах место нашлось.

Главным препятствием, для того чтобы иранский газ пошел в Европу, является конфронтация Вашингтона с Тегераном, в котором Евросоюз принял сторону американцев. В дополнение к уже действующим не один год санкциям, запрещающим инвестиции в иранскую газовую промышленность, ЕС ввел эмбарго на поставки природного газа из Ирана. Это решение касается импорта, приобретения и транспортировки газа, а также финансирования и страхования деятельности, связанной с газовой отраслью. До отмены газовой блокады Ирана любые рассуждения на тему иранского газа для Европы лишены смысла, но даже и после отмены санкций политическое решение о трубе из Ирана проблематично. Даже при очевидном отсутствии альтернативы в выборе замены российского газа в планируемой Вашингтоном энергетической войне против России американцы Тегеран в статусе своего союзника не рассматривают. Белый Дом верен себе и блокируют все попытки Ирана выйти из газовой блокады не только на европейском, но и азиатском направлении. Пример тому план прокладки трубы в Пакистан.

Основным препятствием для строительства газопровода Иран — Пакистан служат американские санкции в отношении Ирана. На проволочки с реализацией проекта со стороны Исламабада, остро нуждающегося в энергоресурсах, влияет не только сложная экономическая ситуация, но и нажим Вашингтона. США требуют от Пакистана отказаться от строительства. Участок газопровода на иранской стороне уже давно построен, его длина составляет 1,1 тыс. км. Пакистан располагает достаточными финансовыми средствами для строительства своего участка газопровода. К настоящему времени проведены необходимые конкурсы, готов окончательный вариант

проекта газопровода. Тем не менее, на пакистанской территории даже не приступали к началу работ. Предполагаемые сроки строительства — 30–36 месяцев, однако Иран может аннулировать контракт на поставки газа в Пакистан и отказаться от многомиллиардного проекта. Об этом заявил министр нефти Ирана Биджан Зангане.

Чтобы не допустить иранский газ на рынки соседних стран США поддерживают проект газопровода Туркменистан — Афганистан — Пакистан — Индия (ТАПИ) протяженностью более 1700 километров и мощностью около 30 млрд кубометров газа в год. Вашингтон пытается убедить туркменскую сторону в том, что с безопасностью газопровода, идущего через Афганистан, проблем не будет. На чем основана уверенность американцев, остается загадкой. Еще несколько месяцев назад Агентство США по международному развитию (USAID), финансирующее проект ТАПИ, заблокировало его осуществление из-за неопределенности, связанной с выводом в 2014 году международных сил безопасности из Афганистана, где ситуация не только не улучшается, но и имеет явные признаки перерастания в гражданскую войну.

По сути, американцы настаивают на строительстве газопровода в условиях боевой обстановки. В Афганистане есть районы, где власть центрального правительства весьма слаба, а местные органы управления отличаются крайней коррумпированностью и безответственностью, что позволяет талибам сохранять рычаги воздействия на обстановку на юге, юго-востоке и востоке страны. Более того, в Пакистане газопровод должен быть проложен в обход зоны племен, где обстановка не менее боевая, чем в Афганистане. В таких условиях найти инвесторов, готовых финансировать работы на огромной территории двух крайне нестабильных государств, очень сложно. Главное для американцев обеспечить альтернативу иранскому проекту в Пакистан, энергетические потребности которого Вашингтоном в расчет не принимаются. США превратили проект ТАПИ в газопровод, ведущий никуда.

По каким маршрутам Иран может направить газ в Европу?

Однако Иран, несмотря на американское противодействие, от своего замысла играть весомую роль на мировом газовом рынке не отказывается. При этом Тегеран не ставит во главу угла стремление отобрать российскую долю. Министр промышленности, рудников и торговли Ирана Мохаммад Реза Нематзаде подчеркнул: «Мы не хотим быть конкурентом России. При этом мы знаем, что потребность европейцев в газе становится все больше, и хотим получить свою часть рынка». Скептики в этом заявлении видят больше политического смысла и не желают признавать реальность схем, при которых Иран смог бы избежать конкуренции с Россией в поставках иранского газа в Европу. Зря, ибо уже сейчас есть пример разумного отношения иранцев к взаимодействию с «Газпромом» на общем для наших стран газовом рынке Турции.

Напомним, что самым крупным рынком экспорта газа для Ирана сейчас остается турецкий. По данным министерства нефти Исламской Респуб-

ки, суточный объем поставок природного топлива в Турцию составляет около 28 млн куб. м, что в целом немногим превышает 10 млрд кубометров в год. Российские поставки газа почти в три раза больше — 25,99 млрд кубометров. Но Иран не стремится добиться для себя сиюминутных преференций, поддерживая на свой газ самые высокие цены. Российский газ Турции обходится в 425 долларов за 1000 кубометров, иранский газ она покупает по 490 долларов, за азербайджанский газ страна платит 335 долларов. Ранее Турция требовала у Ирана скидку, чтобы снизить цену хотя бы до уровня азербайджанской, Тегеран на уступки не пошел и не стал подыгрывать турецкой стороне в снижении цены на российский газ.

Не спешат иранцы в противовес российскому газу наращивать объемы своего экспорта. Не стоит забывать, что существующий газопровод позволяет прокачивать до 40 млн кубометров иранского природного газа в сутки в Турцию, однако его пропускная способность используется лишь на 70–75% (около 28 млн куб. м). Высказывается мнение, что резервы пропускной способности могут быть использованы для транзита иранского газа в Европу. Однако перспективу подобного экспорта отдалают не только действующие санкции, Иран опасается доверить Турции, американскому союзнику и члену НАТО, роль транзитной страны для своего газа. Из опыта транзита российского газа через Украину, сопровождаемого в последние годы поощряемыми Америкой «газовыми войнами», иранцы сделали вывод о ненадежности турецкого маршрута.

Поэтому в стратегических планах руководства Ирана есть смелый замысел открыть «газовый коридор» в Европу через территорию дружественных арабских государств (Ирак и Сирию) с выходом на побережье Средиземного моря. Соглашение о строительстве газопровода, получившего название «Исламский газ», было подписано сторонами в июле 2012 г. Протяженность газопровода по территории Ирана составит 225 км, Ирака — около 500 км, Сирии — 600 км. Согласно проекту, мощность газопровода составит 110 млн кубометров газа в сутки. Ирак и Сирия будут покупать ежедневно от 20 до 25 млн кубометров газа. Некоторое количество газа через арабскую газотранспортную систему будет поставляться в Ливан и Иорданию, остальные 50–60 млн кубометров иранского газа могут быть законтрактованы для Европы. Сравним: ежедневный объем поставок голубого топлива из России в страны ЕС составляет 270 млн кубометров газа. Очевидно, что заменить иранским газом поставки из России не получится.

Нельзя игнорировать и в этом иранском проекте американское противодействие. Его реализация делает ненужным строительство газопровода из Катара на сирийское побережье Средиземного моря. Газопровод «Исламский газ» не устраивает США, которые вместе с монархиями Персидского залива борются за отрыв Сирии от Ирана, в том числе и в целях энергетического контроля над регионом Ближнего Востока. Здесь стремление Америки дестабилизировать поставки российского газа в Европу не может снять с американской повестки привычную цель сдерживания Исламской Республики. Иранский газ останется заблокированным даже в случае отмены санкций и урегулирования ядерной проблемы Ирана. Иранцам и дальше придется выстраивать свой экспорт голубого топлива в условиях «газовой войны» со стороны Америки. По сути, в этой борьбе у иранцев единственным союзником может быть Россия, демонстрирующая на примере своей

политики в отношении украинской стратегии Вашингтона готовность к противодействию американскому диктату, в том числе и в сфере мировой энергетики.

У Запада не получается склонить к газовому сотрудничеству Тегеран, отбив тем самым у России часть ее экспортного рынка. Иран проводит независимую политику, в контексте кризиса на Украине и разговоров о санкциях против России иранское руководство на провокации США и Евросоюза не поддается. Предложение, сделанное Ильхамом Алиевым в ходе своего недавнего визита в Тегеран стать посредником в организации поставок иранского газа в Европу (при этом были явные намеки на то, что данная инициатива исходить от самых европейцев) минуя Россию, Тегеран категорически отверг. Иран не намерен использовать нынешнюю ситуацию в своих интересах вопреки энергетическим интересам России. С Исламской Республикой нужно договариваться с позиций равного партнерства, стратегический приоритет в энергетическом сотрудничестве Тегеран отдает России и заинтересован в ответных конкретных и деловых шагах со стороны Москвы. Наши контакты по сотрудничеству в нефтегазовой сфере в последнее время активизировались, но нужны прорывные решения. Большое нефтяное российско-иранское соглашение, подписания которого страшно боятся США и Запад, застрял в недрах российской бюрократии. Здесь, как никогда, необходимо волевое решение, нужно дойти до конца, необходимо закрепить совместную решимость противостоять американскому и западному диктату подписанием данного документа.

Иран и Россия близки как никогда

22 апреля состоялся визит в Москву министра иностранных дел Ирана Мохаммада Джавада Зарифа, приехавшего в Россию для участия в саммите глав внешнеполитических ведомств пяти прикаспийских государств. Еще до начала заседания глава иранской дипломатии провел встречу со своим российским коллегой Сергеем Лавровым, на которой обе стороны обсудили разные аспекты двухстороннего сотрудничества, а также некоторые региональные и международные вопросы.

Как сообщает иранское информационное агентство IRNA, в ходе своей беседы министры иностранных дел двух государств подчеркнули необходимость в продолжении совместных консультаций по широкому спектру региональных и международных проблем, таких как терроризм и безопасность в регионе. Одной из главных тем обсуждения Лаврова и Зарифа стали нынешние процессы на Ближнем Востоке и мире в целом, в частности, ситуация в Сирии, где 3 июня этого года пройдут президентские выборы. Также состоялось обсуждение ядерных переговоров Ирана с «шестеркой» международных посредников, и обе стороны выразили надежду на достижение универсальных договоренностей в установленные сроки.

Еще накануне встречи с главой российского МИД Зариф заявил: «Иран и Россия ведут постоянный диалог по разным темам двухстороннего сотрудничества и развития ситуации в регионе и мире. Нынешний визит в Москву для участия в саммите министров иностранных дел прикаспийских государств является очередным шагом в этом направлении».

В беседе с журналистами, состоявшейся сразу же после прилета в российскую столицу, иранский министр заявил: «Тегеран и Москва регулярно проводят совместные консультации по таким вопросам, как ядерная программа Ирана, текущие процессы на Ближнем Востоке и ситуация в Сирии, и согласуют друг с другом свои позиции». Одной из первоочередных задач Ирана и России в отношении сирийского кризиса Зариф назвал стремление установить мир и вести борьбу с терроризмом.

По поводу саммита прикаспийских государств Зариф отметил: «Мы надеемся, что заседание по Каспию будет содействовать улучшению ситуации в прибрежных странах». На церемонии открытия самого саммита он заявил: «Каспийское море, занимающее исключительное положение, является даром Всевышнего для всех пяти прибрежных государств и делает их отношения еще более прочными».

По сообщению иранского единого информационного центра IRIB News, министр иностранных дел Исламской республики также подчеркнул: «На протяжении всей истории регион Каспийского моря никогда не был заложником пограничного разделения. Мы обязаны передать его своим потомкам таким же экологически чистым и стабильным в плане безопасности, каким унаследовали его сами. Кроме того, необходимо выработать такой универсальный и современный правовой статус Каспийского моря, чтобы он не только отвечал нынешним потребностям, но и благодаря нашему точному и всестороннему подходу на переговорах был одобрен будущими поколениями».

«К счастью, — продолжил Зариф, — политическая воля лидеров пяти прикаспийских государств направлена на то, чтобы это море всегда было регионом мира и дружбы, прогресса, устойчивого развития и добрососедства».

Министр иностранных дел Ирана добавил: «Прибрежные страны убеждены, что до момента определения нового правового статуса моря ныне действующие нормы, принятые на основании договоров 1921 и 1940 годов (между Ираном и Советским Союзом), и такие принципы, как свобода торгового мореходства и рыболовства, а также запрет на появление в акватории кораблей и плавательных средств под флагами нерегionalных государств и монополию на рыбные промыслы, будут соблюдаться и в будущем».

Подчеркнув необходимость в справедливом определении границ и выработке единогласного решения касательно правового режима, он также заявил: «К сожалению, для отдельно взятых внерегиональных игроков Каспийское море прежде всего ассоциируется с энергоресурсами, большими запасами нефти и газа, вместе с тем они забывают о таких аспектах, как экология, флора и фауна, а также мире и стабильности в этом регионе».

Зариф также отметил: «Необходимым условием мира и стабильности в районе Каспия является превращение его в море дружбы и гармонии, недопущение гонки вооружений, отказ от использования вооруженных сил и запрет на присутствие там военных частей внерегиональных государств».

Руководитель иранского внешнеполитического ведомства особо выделил важность соблюдения принятых конвенций об акватории Каспийского моря и заявил: «Экономический и политический потенциал прикаспийских государств требует гораздо большего сотрудничества друг с другом в сфере энергетики, торговли, транспортных и транзитных путей, экологии, туризма, хозяйства и культуры».

В начале саммита министр иностранных дел России Сергей Лавров также отметил: «Сегодняшняя встреча проводится для подготовки к проведению IV саммита глав прикаспийских государств, намеченного на сентябрь этого года в Астрахани».

«Лидеры стран Каспийского моря уделяют особое внимание ключевым проблемам этого региона, благополучию его жителей и укреплению межнациональной дружбы. В прошлом все они также сотрудничали друг с другом в дружеской атмосфере», — добавил российский дипломат. Саммит министров иностранных дел прикаспийских государств начал свою работу с того, что главы внешнеполитических ведомств Исламской республики Иран, России, Азербайджана, Казахстана и Туркменистана согласились вместе сфотографироваться на память.

Зариф: Америка должна изменить свое мнение об Иране

Высший представитель иранской дипломатии, отметив тот факт, что в ходе президентских выборов в 2013 году народ Ирана решительно выступил за начало конструктивного сотрудничества с внешним миром, заявил: «Власти страны твердо намерены самым серьезным образом уважать выбор собственных граждан, поэтому западные лидеры, особенно из числа американских политиков, должны изменить свое отношение к Исламской республике и использовать такую уникальную историческую возможность, которая, быть может, больше никогда не представится».

По сообщению иранского информационного агентства ISNA, в своей статье под заголовком «Истинные цели Ирана: внешняя политика правительства Рухани», опубликованной в американском аналитическом журнале *Foreign Affairs*, Зариф отметил следующее: «Будучи могучей региональной державой, Иран имеет исключительное значение в нынешней сложной переходный период мировой политики. (...) Исламская республика может активным образом содействовать процессу установления мира, безопасности и стабильности в ближневосточном регионе и играть видную роль на нынешнем переходном этапе международных отношений».

Перечислив угрозы Ирану на региональном и мировом уровне, иранский дипломат отметил: «Внешнеполитическая платформа президента Хасана Рухани основывается на принципиальной, взвешенной и логичной критике внешнеполитического курса, который Иран проводил предыдущие восемь лет, когда у власти было правительство прошлого президента Махмуда Ахмадинежада. В отличие от своего предшественника Рухани выступил за начало сдержанных контактов. Подобная позиция требует не только учитывать сохранение национальной безопасности, но и повышать международный статус страны, реализовывать универсальные долгосрочные задачи. В целом такая политика исключает всякое противостояние и задает вектор развития страны в сторону диалога, конструктивного сотрудничества и взаимопонимания. Такая умеренная позиция основывается на реализме, уверенности в собственных силах, практичном идеализме и действительном сотрудничестве».

В названной статье министр указал на первоочередные задачи внешней политики Ирана и подчеркнул: «Главной целью является нейтрализация международного антииранского блока, возглавляемого Израилем и его американскими сторонниками, и в конечном итоге победа над этим течением. Они нацелены на то, чтобы „обезопасить себя“ от Ирана, и подвергают сомнению законность существования Исламской республики, изображая нашу страну как угрозу существующему миропорядку. Главным орудием этого течения является обострение ситуации вокруг мирной ядерной программы Ирана. С точки зрения Тегерана, кризис в отношениях Ирана с международными посредниками создается искусственно и поэтому он вполне обратим. Именно по этой причине Рухани в целях выхода из тупика и начал переговоров с группой „5+1“ для выработки общих позиций, а также незамедлительно приступил к реализации конкретных мер, направленных на сохранение научных достижений Ирана, уважение его неотъемлемых прав на основе Договора о нераспространении ядерного оружия и отмены несправедливых санкций, навязанных стране мировыми державами».

Касаясь отношений Тегерана и Вашингтона, в той же статье Зариф отметил следующее: «Свои отношения с Соединенными Штатами Иран будет предусмотрительно строить по принципу сведения к минимуму существующих противоречий и предотвращения еще большего напряжения, не нужного обеим сторонам. Таким образом, постепенно должна установиться относительная разрядка. Кроме того, Иран намерен взаимодействовать с европейскими государствами и другими странами Запада с целью восстановления былых связей и их еще большего развития. Данный процесс нормализации отношений должен основываться на принципе уважения друг к другу и интересам обеих сторон. Кроме того, Иран рассчитывает укреплять и развивать свои контакты с другими крупными державами, такими как Китай, Индия и Россия».

Геннадий Литвинцев

Ген демократии и синдром колониализма

В принятой 3 апреля этого года Европарламентом резолюции «О стратегии Европейского союза в отношении Ирана» нельзя не заметить ряд конструктивных моментов: Исламской республике предлагается сотрудничество в борьбе с наркотиками, в деле охраны окружающей среды, обмен студентами и парламентскими делегациями. Однако на этом конструктивная часть заканчивается и начинается критика и грубые рекомендации. Европейские парламентарии указывают о нарушениях прав человека в ИРИ, несоблюдении демократических норм на президентских выборах 2013 года, несовершенстве избирательного законодательства. Это еще более или менее привычно, а вот специальные рекомендации будущим парламентским делегациям от Евросоюза активнее встречаться с иранскими диссидентами выглядит как откровенное вмешательство во внутренние дела суверенного, не входящего в ЕС государства. И уж совсем провокационно звучит требование европейских депутатов к иранским властям об отмене ограничений и запретов для лиц нетрадиционной сексуальной ориентации.

Кто о чем, а евродепутаты о геях

Читаешь резолюцию и не можешь не задаться вопросом: да понимают ли они там у себя в Страсбурге, какой стране отправляют такие требования? Ведь для того, чтобы их принять и реализовать, Ирану пришлось бы ни больше ни меньше как отказаться не только от своей политической философии и государственной идеологии, но и от самой религии ислама, народных традиций, истории и культуры, то есть полностью от своей тысячелетней идентичности. Кто же на это пойдет, и главное ради чего? Чтобы заслужить снисходительную похвалу от свихнувшихся на сексуальности безбожных либеральных политиков? Ведь даже в Грузии, которую на Западе выставляют чуть ли не образцом либеральной демократии, недавняя попытка провести гей-парад вылилась в массовое возмущение и на разгон содомитов в Тбилиси вышли десятки тысяч человек. А в иранском обществе, чьей сильной стороной является именно приверженность исламу и традиционным ценностям, такие призывы не могут вызвать ничего, кроме презрения и брезгливости.

Глава МИД Ирана Джавад Зариф с чувством глубокого такта расценил резолюцию как «контрпродуктивную и безответственную». «Правительство не позволит какой-либо делегации Европарламента посетить Иран на таких условиях», — подчеркнул министр. А председатель комиссии меджлиса ИРИ по национальной безопасности и внешней политике Аллаэдин Бороджерди в связи с принятием резолюции выступил категорически против открытия представительства ЕС в Тегеране.

Днями позже Парламентская ассамблея Совета Европы приняла резолюцию относительно украинского кризиса и возвращения Крыма в состав России, «чудовищную по лицемерию и антироссийскому накалу», как оценил ее председатель комиссии Госдумы по международным делам Алексей Пушков. Согласно документу, делегация РФ до конца 2014 года лишается права голосовать в ассамблее и участвовать в миссиях наблюдателей ПАСЕ, а представители России исключаются из всех руководящих органов ассамблеи. В этом нет ничего особенного или неожиданного: ПАСЕ последовательно занимала, занимает и впредь будет занимать антироссийскую позицию абсолютно по любым обсуждаемым вопросам. От европейских парламентариев не раз звучала раздраженная критика законов РФ по ограничению влияния гомосексуальной пропаганды на молодое поколение, закона, получившего почти всеобщее одобрение граждан страны.

Но почему-то мы позволяем ЕС вмешиваться в наши внутренние дела и внешнюю политику под видом наблюдения за соблюдением прав человека и гражданских свобод. При этом реальная ситуация с демократией и правами человека на Западе мало кого волнует и уж точно не является первым критерием при определении характера отношений с той или иной страной. Следуя примеру Ирана, нам следовало бы серьезней заняться восстановлением собственной государственной, правовой, общественно-политической и культурной традиции. Нашим странам не следует опасаться стать «изгоями» на мировой арене — все большее число народов и государств начинают активно сопротивляться идейной и моральной агрессии Запада.

Наука на службе либеральной политики

О потрясающем научном открытии сообщила недавно британский телеканал ВВС: Специалистам Северо-западного Университета штата Иллинойс (США) удалось выявить «ген либерализма и свободомыслия». Данный продукт природы, если верить американским ученым, присущ не всему человеческому роду, а лишь народам, населяющим современные демократические страны Европы и Северной Америки. Следовательно, либерализм имеет «генетическую природу». «Мы впервые зафиксировали прямую взаимосвязь между социально-культурными ценностями либерального общества и деятельностью гена, отвечающего за скорость и характер действия серотонина, химического вещества, осуществляющего в головном мозге передачу электрических импульсов», — на полном серьезе заявила руководитель работ Джоан Чиао.

Иллинойские ученые всего лишь в очередной раз продемонстрировали давно известный ген расизма и социал-дарвинизма, моральный императив которого — тотальная конкуренция, то есть принцип естественного отбора, перенесенный из животного мира в человеческое общество. Вот он-то дей-

ствительно в наибольшей степени присущ западноевропейцам и североамериканцам, прославившимся в прошлом колониальными захватами и до сих пор не освободившимся от характерной привычки делить людей на «белых и черных». Этот ген то и дело проявляет себя в мировой политике.

Это он подталкивает европейских политиков и их североамериканских кураторов, ничем так не озабоченных, как распространением по всему свету «либерализма и свободомыслия», бесцеремонно навязывать народам мира свои представления о демократии и правах человека, причем не одними лишь словами и убеждениями, но нередко и военной силой. В таком случае интересен факт: ведь ген, как подтверждает наука, в отличие от вируса, от человека к человеку не передается. Выходит, как ни старайся, не сможет Иран или Россия перенять западный либерализм, не та у нас кровь, не те гены. Казалось бы, тут бы и оставить западным «цивилизаторам» нас в покое, позволить как-нибудь самим устроиться, лучше ли, хуже ли — им-то что за заботы? Нет же, обязательно высунутся с нравоучениями и нотациями, плавно переходящими (там, где не боятся получить сдачи) в военные угрозы и карательные рейды.

После распада СССР и социалистического лагеря либеральный мейнстрим возвращается к доктрине открытого колониализма, не замаскированного «сотрудничеством ради прогресса» и другими предложениями. Теряя идеологическую привлекательность и накапливая экономические проблемы, либеральный мир вынужден все чаще прибегать к военной силе. Гибель мирного населения, гуманитарные катастрофы, потоки беженцев, разрушение социальной сферы и систем жизнеобеспечения, уничтожение экологии, стирание с лица земли населенных пунктов, межнациональные и межрелигиозные войны и конфликты, экономический упадок, засилье бандитизма, рост всех видов преступного бизнеса, запредельная коррупция — все это реальные результаты «экспорта демократии» по-американски в Афганистане, Ираке, Югославии, Ливии и теперь в Сирии. Такой же сценарий западные «цивилизаторы» пытаются реализовать сейчас на Украине. «В последние годы мы видели, как попытки навязать другим странам якобы более прогрессивную модель развития на деле оборачивались регрессом, варварством, большой кровью», — сказал Владимир Путин в ежегодном послании Федеральному собранию. Точно так же по надуманным предложениям против Ирана введены чудовищные санкции, породившие массу трудностей для иранского народа. Даже поверхностный взгляд на историю взаимоотношений Запада с Ираном позволяет понять, что за последние два столетия его методы несколько не изменились.

Россию и Иран объединяет приверженность традиционным ценностям

Агрессивному поведению в мировых делах, основанному на расистском делении народов на полноценные и неполноценные, твердо противостоят христианство и ислам. Поэтому либеральными элитами берется на вооружение воинствующее безбожие и «война с архаикой», демонстративный отказ от всех форм коллективной идентичности (религиозной, классовой, этнической, гендерной), космополитизм и призывы к отказу от национальных границ. На таких принципах строятся все последующие теории — идеология

прав человека, гражданского общества, демократизации, либерализации, феминизма, защиты меньшинств и т.д. Признанным центром либеральной идеологии в мировом масштабе являются США.

В этой «новой идеологической войне», развернувшейся ныне на всех континентах и внутри всех обществ, естественным союзником России становится Исламская Республика Иран, которая своей внутренней и внешней политикой ежедневно подтверждает дуализм цивилизаций, конкуренцию двух альтернативных проектов исторического процесса. И нет ничего удивительного в том, что иранская революция, ее идеалы и вожди вызывали и вызывают в правящих верхах Запада откровенное раздражение, а то и военные угрозы. Невозможно найти там понимание и сочувствие тому народу, кто вознамерится освободиться от влияния и гипноза заокеанских «ценностей», чтобы устроиться самому на основах своего традиционного миропонимания. Любой протест против ли экономического эгоизма Запада, против ли циничной философии «общества потребления», против ли растлевающей и оглуляющей масс-культуры воспринимается в «свободном мире» как бунт, требующий немедленного наказания.

Иран вступил с Западом в открытый спор о том, как людям жить дальше, какими путями выходить из общемирового кризиса. Однако неверно было бы представлять конфликт Юга и Запада как столкновение ислама и христианства. Западноевропейская цивилизация сама провозглашает себя «постхристианской», безбожной и по сути антихристианской. Иран обладает значительным влиянием в исламском мире, и сотрудничество с ним может придать веса Москве в ее контактах с мусульманскими странами. Кроме того, сотрудничество с иранской стороной является для России крайне выгодным в экономическом плане.

Иран вступил с Западом в открытый спор о том, как людям жить дальше, какими путями выходить из общемирового кризиса

Здоровый политический и культурный консерватизм, о котором говорят в Москве, которого придерживаются в Тегеране, вовсе не является стремлением уткнуться в прошлое, в средневековую архаику, лишить народы перспектив на будущее. Это — желание сберечь в быстро меняющемся мире вечные ценности, ради которых стоит жить и умирать, держаться за них в движении, не растрачивать золото народной души на блестящие побрякушки быстро проходящей политической моды. Мы все больше убеждаемся, что реальные духовные ценности невозможно заменить набором утилитарных свобод, сомнительных прав и понижением планки дозволенного. Россия и Иран предлагают не войну Западу или тотальную альтернативу, а спасительные для него же и для всей цивилизации коррективы развития, возвращающие в жизнь человека понятия Бога, Отечества, Веры, Семьи, и реальной свободы.

Редакция приглашает к сотрудничеству политиков, экспертов и читателей, которые разделяют цели и задачи журнала и полагают, что их материалы могли бы внести вклад в формирование у российской и зарубежной аудитории объективного, реалистичного представления о современном Иране, его внутренней и внешней политике.

Более подробно об условиях сотрудничества смотрите на сайте журнала www.siran.ru. Ждем Ваших авторских статей по адресу info@siran.ru

